

84(2Рос-Рус)6

М-57

Дмитрий
Мизгулин

Утренний
Замел

114814

Дмитрий
Мизгулин

Утренний
Ангел

Сибирская Благозвонница

0113751-2-

Москва
2009

государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 84Р7
М 57

Мизгулин Д.
М57 Утренний ангел : стихотворения / Дмитрий Мизгулин. — М. :
Сибирская Благозвонница : Артос-Медиа, 2009. — 320 с.

ISBN 978-5-91362-220-4 (Сибирская Благозвонница)
ISBN 978-5-9946-0061-0 (Артос-Медиа)

«Утренний ангел» — новый сборник стихотворений Дмитрия Мизгулина. Эту книгу можно считать творческим отчетом автора за тридцать лет литературной деятельности. Бог наделил поэта талантом и поэт поставил талант на служение Богу и Родине. Не сиюминутным страстям и человеческим слабостям, а вечности. При этом его взгляд на жизнь, на окружающий мир сочетает в себе тонкую наблюдательность, легкую иронию, любовь к жизни, любовь к природе, которые, поэтически преломляясь, укладываются в такие близкие всякому русскому человеку строфы.

ББК 84Р7

ISBN 978-5-91362-220-4 (Сибирская Благозвонница)
ISBN 978-5-9946-0061-0 (Артос-Медиа)

© Мизгулин Д.А., 2009
© Издательство «Сибирская Благозвонница», 2009
© ООО «Артос-Медиа», оформление, 2009

Увидеть утреннего ангела

Есть стихи, на которые душа отзывается с первых строк. Они — как родная речь — не нуждаются в дополнительном декодировании и, можно сказать, минуя закоулки сознания, сразу падают в сердце. Таковы стихи Сергея Есенина, Николая Рубцова, Станислава Куняева, Владимира Соколова... и Дмитрия Мизгулина.

Мой друг Дмитрий Мизгулин далек от следования тому или другому модному поэтическому течению, далек от дешевого эпатажа, далек от «математического» стихосложения, далек от желания понравиться и быть интересным любыми доступными средствами. Когда я в первый раз прочитал подборку его стихов, мне вдруг представился поэт, сидящий на берегу неспешной древней реки, в которой отражается классической и боговдохновенной красотой Храм Покрова на Нерли. Захотелось присесть

4 рядом и просто помолчать... Зная ритм жизни поэта, я не перестаю удивляться его умению останавливаться и погружаться в вечность. Хотя, в сущности, всё просто: Бог наделил поэта талантом, и поэт поставил талант на служение Богу и Родине. Не сиюминутным страстям и человеческим слабостям, а вечности. При этом его взгляд на жизнь, на окружающий мир сочетает в себе тонкую наблюдательность, легкую иронию, любовь к жизни, любовь к природе, которые, поэтически преломляясь, укладываются в такие близкие всякому русскому человеку строфы. Небо поэта рядом. Надо только поднять взгляд, напрячь духовное зрение, и тогда к каждому может прилететь утренний ангел, разбивая, развеивая своими легкими светлыми крыльями нашу повседневную, брентную суету. Дай Бог каждому начинать день со встречи с ангелом и не забывать, что в какой-то из дней:

Вострубят ангелы — пора.
И никуда уже не деться.
Как будто кто-то со двора
Тебя домой зовёт — как в детстве.

Стремление к небесному Отечеству через любовь к Отечеству земному живет во всех поэтических сборниках Дмитрия Мизгулина. Откройте «Скорбный слух», «Две реки», «Духов день», «География души», «Новое небо»... На стихи Дмитрия Мизгулина поют песни, романсы, их отмечают престижными литературными премиями, но главное в них — это неподдельная народность. Народность поэта являет себя в том, что, не взирая на вселенскую одиночку, как души, так и личности поэта, он впитывает в себя боль и радость, поражения и гордость своего народа, своей Родины. И говорит об этом так, что строфы его становятся не только близкими и понятными каждому, но всякий может произнести их, как свои. Такой поэт наделён особым видением, что даётся от Бога и сродни пророческому, а прозрения его, облеченные в музыку слова, становятся достоянием читателей:

Смотри, из этого окна
Ему видна была Россия,
Была судьба её видна...
(«Дом, где жил Тютчев», 1992)

Сейчас много говорят о том, что мы утратили в последние годы. Мне кажется, что среди главных утрат — это потеря созерцательности, погружение в суету зарабатывания, не позволяющей нам остановиться, замереть и услышать Небо, видеть утреннего ангела...

Я створки настежь распахну,
Впущу его домой,
И воздух утренний вдохну:
Ну, здравствуй, ангел мой.
(«Утренний ангел», 2008)

И пусть, как сказал поэт, порой «на Родине, как на вокзале», но есть ещё та река и стоящий над ней — величественный своей горней гармонией — Храм. Осталось только войти, помолиться о России, о народе, о себе грешных.

Сергей Козлов

Пусть душу укрепит молитва

Утренний ангел

Уснувший город чутко спит,
На улицах темно.
Под утро ангел прилетит
И постучит в окно.

Я створки настежь распахну,
Впущу его домой
И воздух утренний вдохну —
Ну здравствуй, ангел мой.

Струится утренняя мгла,
На крыльях тает снег.
Он спросит тихо — как дела?
Совсем как человек.

Я промолчу в ответ ему,
Известно всё и так.
Моих желаний кутерьму
Поглотит снежный мрак.

Во мгле мерцающим перстом,
Коснувшись лба и плеч,
Он осенит меня крестом,
Чтобы от бед сберечь.

Разгонят ранние ветра
По небу облака,
Ему пора и мне пора,
Дорога далека.

Кому — в небесные края,
Кому — в земную тьму..
И буду долго-долго я
Смотреть во след ему..

* * *

Вокруг такая суета,
Что не смешно уже, а больно,
И пройдена давно черта,
И поздно говорить «Довольно!»

И не тверди о том, что всё...
Что всё начертано судьбою.
Настанет час — во всей красе
Предстанет дьявол пред тобою.

И если дрогнешь, всё отдашь,
Предав и тех, кого не знаешь...
Но если вспомнишь «Отче наш»,
То ничего не потеряешь.

* * *

В ночь перед Рождеством
Звезды, тускнея, тают,
И фонари мерцают
В ночь перед Рождеством
В ночь перед Рождеством
Улицы опустели,
Окна заиндевели
В ночь перед Рождеством,
В ночь перед Рождеством
Снега выпало много,
И унялась тревога
В ночь перед Рождеством.

В ночь перед Рождеством
Время неторопливо,
Хочется стать счастливым
В ночь перед Рождеством.

* * *

Морозы грянули. Крещение.
Озябли птицы и слова.
У Господа прошу прощенья
Под сводом храма Рождества.

Здесь не обдумывают речи.
Здесь и покой, и тишина.
Мерцая, тускло тают свечи,
Как непрощенная вина.

Как тяжек груз грехов незримый,
В запасе — годы или дни?
Расплата ждёт неумолимо —
Спаси, прости и сохрани...

На паперти сидит старуха,
Прохожий сумрачный идёт...
Пусть благодать Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдёт...

В храме Феодора Стратилата

Всё спешим и спешим куда-то.
Судим яростно, сгоряча.
В храме Федора Стратилата
Одиноко горит свеча.

О, какой же был путь неблизкий
Вечной памяти и молвы
От холмов Герклеи Понтийской
И до снежных равнин Москвы...

Тусклый сумрак, развеясь, тает.
Потемневший мерцает лик,
И бесстрастно на нас взирает
Непреклонный седой стратиг.

Я почти что не различаю
Эту древнеславянскую вязь,
Незаметно, по дням убываю,
С древним миром теряю связь.

Что нам время и что законы?
Если всё мирозданье — миг.
Но мерцает с тусклой иконы
Просветлённый, священный лик.

Снег летит не спеша и плавно,
Тихо падает он, кружась.
И теперь ощущаю явно
В этом хаосе некую связь —

Как ни рвись, торжествуя и мучась,
В мир — от паперти до луны —
Эти судьбы и наша участь
Так причудливо сплетены...

А на улицах близлежащих
Тишина. И в окнах видны
Излученья огней дрожащих
И замёрзшие блики луны,

Снег скрипит, и морозный воздух
Чуть дымится у фонаря.
Нежно в небе мерцают звезды,
Ярко в окнах огни горят.

Всё на свете — смешно и тленно.
Только всё же зябнет душа.
Переулок Кривоколенный
Поворачивает не спеша.

* * *

В такие дни не хочется писать,
В такие времена бессильно слово,
И не найти занятия другого,
Как только безучастно наблюдать...
В такие дни сомнений и тревог,
Когда кипит невидимая битва,
Пусть душу укрепит мою молитва,
И да спасет нас милосердный Бог!

* * *

Молюсь исправно Богу. Но
Не вяжутся слова молитвы.
Душа — как будто поле битвы,
В ней всё огнем опалено.

Горит в ночи моя свеча.
Казалось бы — читай, внимая,
Но, вещей слов не понимая,
Бросаю книгу сторяча.

Но слышу — я ещё не глух,
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

* * *

Молюсь ежедневно, но всё же
Даётся молитва с трудом.
Козлиные наглые рожи
Заполнят пустующий дом.
Под гул незнакомых наречий,
Под шум дребезжащих копыт,
Как трудно душе человеческой
На небо прорваться сквозь быт.
Но верю, что Божие Слово
Проникнет в глубины души,
Поэтому снова и снова
Шепчу в безответной тиши...
Читаю — и не понимаю,
Читаю — как будто стреляю!
Слова разлетелись, как пули,
И головы бесы пригнули.

Страстная пятница

13 апреля 2001 года

Страстная пятница. Апрель.
Молчат колокола.
А на дворе — метет метель,
Весь мир объяла мгла.

Летит и тает мокрый снег,
И сквозь метель и грязь
Бежит усталый человек,
Тростинкой наклонясь.

Спешит сквозь непогоду в храм
Успеть. Хоть раз в году.
А в мире торжествует хам,
Что с бесами в ладу.

Такие вот дела вокруг,
И что ни говори,
Не разомкнут греховный круг
Премьеры и цари.

Страстная пятница. Апрель.
Весь мир окутал мрак.
А на дворе метёт метель,
Весной. Как Божий знак.

Времен минувших непогодь,
Последних дней лимит...
Предупреждает нас Господь,
Да всё не вразумит.

* * *

Я высказаться тороплюсь,
Отринув истину от бредней,
Спеша Спасителю молюсь —
А ну как этот день последний?

А ну как если не успеть
Связать распавшиеся строфы,
Недолюбить, недотерпеть
В канун вселенской катастрофы.

Но что с того — наверняка
Услышано не будет Слово.
Молчит осенняя река,
Назавтра мёртвой стать готова.

Умолкли птичьи голоса,
И тишина гнетущей стала,
Молчат глухие небеса,
С утра нахмурившись устало.

Молчат деревья, камыши,
Молчит село. Молчит дорога.
Но зреют в глубине души
Слова, которые от Бога.

* * *

Сказал пророк: «Жить не по лжи...»
 Какая истина простая!
 Но как сквозь лес пройти, скажи,
 Листвы деревьев не задевая?

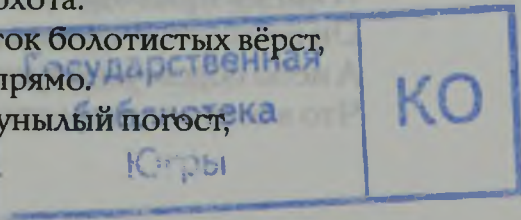
Изведать предстоит в пути
 Забытых троп, дорог широких...
 Но можно ль поле перейти,
 Не задевая трав высоких?

Чеканно светятся слова,
 Литые правила вменя.
 И чуть колышется листва,
 Росу тяжелую роняя.

После охоты

Лишь ветер рассеет тяжелую мглу,
 Покинем лесное болото.
 Светает. Устало идем по селу —
 Была неудачной охота.
 Шагать нам десяток болотистых вёрст,
 Идем тяжело и упрямо.
 Минуя забытый, унылый погост,

-0113751-2-

На миг задержались у храма.
Когда-то он был и высок, и велик,
А нынче разграблен, разрушен.
И полуистлевший евангельский лик
Смущает мятежные души...
Высокие липы надсадно скрипят,
Им вторят кусты осторожно,
А ветры в развалинах храма гудят
Неистово, грозно, тревожно.
В пустых колокольнях, в глазницах пустых,
В остовах разрушенных храмов
Они завывают, как хор бесовских
Неведомых грозных смутьянов.
То зычно смеются, то хищно свистят,
То плачут, то грозно хохочут —
Они над Россией притихшей летят
И темное что-то пророчат.
И, кажется, вторят и небо, и лес,
Волнуются тихие воды,
Как будто вселился неистовый бес
В спокойствие русской природы.
И душу охватит смятенье и страх,
А ветер поёт и гуляет.
И вот уж в тяжёлых ружейных стволах
Он песни свои завывает!
А небо подсвечено тусклой луной,
Что в озере сонном дробится...

И нет в поднебесье креста надо мной,
Чтоб смог бы я перекреститься...

* * *

Когда-то Солнце было богом.
Теперь и Бог ничто для нас,
Хоть равнодушно на Природу
Ещё взираем мы подчас.

За поколеньем поколеньем
Теряем связь с родной землёй.
Что ждет нас? Гибель ли, спасенье,
Небесный рай иль ад земной?

Как бедный путник, поневоле
В последний путь иду, спеша...
Но ищет, ищет ветра в поле
Моя бессмертная душа.

Свеча

Пусть опять всё пойдет вверх дном,
Пусть оставит меня удача,
Опустеет родимый дом,
И судьба повернется иначе.

Не заплачу, не закричу —
Из души не вырвется стона,
У иконы поставлю свечу,
Положу три земных поклона.

Я порою судил сгоряча,
Упивался своей гордыней,
Всё искупит моя свеча,
Все сомненья мои отринет.

Ни разлук не боюсь, ни измен,
Сколько раз начинал с начала!
В зыбком мареве перемен
Только вера меня спасала.

Как бы ни было тяжело,
Посреди вселенского срама
Я в душе сохраню тепло
Тишины опустевшего храма.

Пусть мерцает в мирской ночи
Тусклый отблеск моей свечи.

* * *

Твои костры горят далече.
Звезда пронзила небосвод.

На месте нашей давней встречи
Заводят бесы хоровод.

Они прилежны и пригожи,
Имеют человеческий вид,
Они на ангелов похожи,
Но выдаёт их стук копыт.

И, преодолевая муку,
Тебе, летящему ко дну,
Через века сомнений руку
Минувшей дружбы протяну.

Ещё не кончена дорога,
Душа отринет боль и страх,
Когда застынет имя Бога
В твоих немеющих устах.

Ангел-хранитель

Со дня рожденья и по смертный час
Приставлен ангел к каждому из нас.
Он нас хранит от горя и от бед
На протяжении беспутных лет.
Он нас хранит и молится с небес,
Чтоб наши души не похитил бес,

И даже под покровом тишины
Следит, чтоб не украли наши сны...
А мы живем бездумно и грешим,
И вечностью своей не дорожим,
Не думаем, что может грянуть час,
Когда он навсегда оставит нас.
Покинув утомительный свой пост,
Он воспарит среди погасших звезд.
Взметнутся два спасительных крыла,
И навсегда тебя ослепит мгла.

* * *

В церковь ходим и крестим лбы,
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы —
Непонятной её круговерти.
От житейских уставши битв,
Скорбно Слову в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем...
И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетет нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры...

* * *

Живем по человеческим законам
И Богу, и природе вопреки.
На исповедь приходим с телефоном,
Просматривая важные звонки.

Наш путь лежит во тьме. По бездорожью
Бредём на ощупь. Судим невпопад.
Душа закрыта перед Словом Божиим,
Но, слава Богу — стали чтить обряд.

И вещей слов пока не понимая,
Перебирая чётки не спеша,
Словам молитв неведомым внимая,
Оттаивает сонная душа.

Духов день

Как в предчувствии скорой беды,
Шевельнётся тревога змеёю:
Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землею.

Жизнь промчится — исполнится срок.
Будет имя твоё позабыто.
И развеются прах и песок
И от мрамора, и от гранита.

Все земные законы круша,
Время мчится, сметая преграды...
Но бессмертной пребудет душа.
Вот о ней-то подумать и надо.

На разочарования — плюнь.
Жизнь проходит — и что тут такого...
Скоро Троица. Праздник. Июнь.
День Сошествия Духа Святого.

* * *

Кругом — бардак. Кругом — бедлам.
И лишь в душе — Спаситель.
По вере вашей будет вам,
Чего ни попросите.

Темна осенняя река
И берега в тумане.
Пусть вера ваша вам всегда
Оплотом духа станет.

Времен последних непогодь
Позёмкою кружится.
Пока хранит тебя Господь,
Не забывай молиться.

Чернеет снег. Мутнеет мгла.
Луна в тумане тает.
Душа, сгоревшая дотла,
Во тьме ночной мерцает.

* * *

Не зная, что будет наверно,
На ощупь плетёмся в впотьямах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих, и в делах.

И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь.
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?

Ведь всё, что в душе накопело,
Давно исцелил бы Господь,
Когда бы не брненное тело,
Когда бы не глупая плоть,

Когда бы, лихой и отважный,
Смирив выраженьё лица,
Молитву, хотя бы однажды,
С душой прочитал до конца.

И тесно крестам
 над погостами возле дороги,
И времени нет,
 чтоб к кресту приложиться губами.
И ворон кружит над мерцающими куполами.
Рассветы багряны.
 И дымно-кровавы закаты.
Опять замышляют поход на Москву
 супостаты.
Кровавый туман
 над притихшей Россией клубится,
И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.

Отъезд

Я уеду из этой страны.
Будет мне тяжело и тоскливо,
И крыло серебристым отливом
Рассечёт облака тишины...

Не подвластен истории ход.
Скорбной чаши мы снова не минем.
Трижды будет наказан народ,
Изменивший родимым святыням.

Непреложный закон бытия.
Нет прощенья недругу, другу...

Не минует нас чаша сия
По второму и третьему кругу.

И уже не возвысится Храм,
И разверзнется бездна над нами,
И пойдёт генерал по снегам
С гимназистами и юнкерами.

Время будет повёрнуто вспять.
Озарит нас пожарище смуты.
И начнут всеблагие считать
Не спеша роковые минуты.

Содрогнётся полуночный мир,
И очнутся прозревшие люди.
Но для всех приглашённых на пир
Милосердной пощады не будет.

Я подумал о доле своей,
Как тяжёлые чаши сдвигались,
На дрожащей ладони моей
Три тяжёлые капли остались.

Солнце высушит их, и тогда
Станет мне и легко, и тоскливо...
Там, внизу, потускнеет вода,
Тень крыла заскользит над заливом,

Затуманится неба излом,
И растает игла за крылом.

Китеж-град

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Над тобою сомкнулись воды,
И протяжные хороводы
Над тобою чайки кружат...
Где ты, где ты, мой Китеж-град?

А в полнеба — полночный свет
Звёзд далёких, иных планет,
Неизведанных и нетленных.
Подо мною — вода и дно.
А потом опять всё одно —
Бесконечная даль Вселенной.

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Я раздумьям своим не рад.
Лишь сомкну воспалённые веки,
Заклубив куполов пожар,
Опускаешься в светлояр,
Поднимаясь над миром навеки...

Но поднимутся ль из воды
Купола твои и сады,

Переполненные плодами?
Может, не было их и нет?
Но струится лазурный свет
В небесах высоко над нами.

Всё пройдёт и развеется в прах.
Всё стгорит на твоих кострах,
И неведомый миг настанет —
И окончится долгий плен,
И навязанных истин плен
В вечность канет...

А пока — на полнеба луна,
Да качает лодку волна,
Да уключина тихо скрипнет.
И кругом на сто вёрст — тишина.
И в молчании — леса стена,
Только птица ночная вскрикнет.

* * *

Остывает родная земля.
Зарастают травой пепелища.
Пусто стало на русских полях,
Тесно стало на русских кладбищах.

Возвратились Самара и Тверь,
Только разве что с этим и вышло.
За базарным прилавком теперь
Русской речи не слышно...

Оборвалась ли долгая нить?
Возвратиться ль спасительной славе?
Ни прощать никого, ни винить
Мы не вправе...

Много время с собой унесло,
Нам никак не очнуться от боли.
Но что было — былём поросло,
И ещё не распахано поле.

И не брошено семя пока,
И боюсь, как бы не было поздно.
Вон темнеют в ночи облака
И тускнеют высокие звёзды.

И змеится ковыльно былё,
Бездна мрачно зияет над нами...
И кружит, и кружит вороньё
Над мерцающими куполами.

На выставке русского портрета

По залам Русского музея
Бродить отправлюсь не спеша,
И замирает, холодея,
Моя тревожная душа...

Армяк или мундир дворянский,
Князья, вельможи, косари...
Но царский лик и лик крестьянский
Светился как бы изнутри.

Но всё же замечаю в каждом
Какой-то тягостный недуг.
Как говорил поэт однажды:
«Предвосхищенье смертных мук...»

Остановившись у Рублёва,
Очнусь от набежавших дум.
И вспомню вдруг, что слово в слово
Твердил мятежный Аввакум.

Он бичевал обычай скотский,
Твердил, что нет на тех креста,
Кто очень чувственно и плотско
Изображает лик Христа.

И пусть кругом все люди — братья,
Но только надобно понять,
Что всё ж обычаи — не платье,
Чтоб их легко переменять.

Что с этим чувством примиряясь,
Утратим зрение и слух.
И растворяться, истончаясь,
Исчезнет вовсе русский дух...

И долго нам кружиться, нищим,
Меняя веры и места,
Как воронью над пепелищем
От пустозерского костра.

* * *

Как ветер звоном однотоным

Гудит-поёт в стволы ружья.

И. Бунин

Осенью поеду на охоту.
За окном вагона — ночь, темно.
И о чём когда-то думал кто-то,
Именуя это место — «Дно»?

Холодно. Туманно. Сыровато.
Стынет воздух в синей тишине.
Здесь отрёкся русский император,
И помчалось лихо по стране...

Здесь теперь, конечно, всё иначе.
Дом — без крыши. Церковь — без креста.
Но всё также птицы горько плачут,
Оставляя милые места.

Вот летят, летят нестройным клином
И курлычут горько журавли...
Господи, ужели нас не минет
Участь этой горестной земли?

Много есть похожего на свете,
Но судьба у каждого своя.
И осенний однозвучный ветер
Всё гудит-поёт в стволы ружья.

Как же от беды нам уберечься?
Как же нам родных не растерять?
И ужели надобно отречься,
Чтоб из пепла праведным восстать?

Над храмом Бориса и Глеба
Когда-то кружили стрижи.
И нива бескрайняя хлеба
Скрывала канавы, межи...

А нынче цветы иван-чая,
Да плесень на стенах пустых...
И вспомнилось мне не случайно
О первых российских святых.

Не бросились в буйную сечу,
Не вырвали жизни в борьбе,
А просто шагнули навстречу
Своей беспощадной судьбе.

Под сенью святого Покрова
Немало пришлось пережить,
Чтоб Сергей на битву сурово
Мог воинство благословить...

А с храма Бориса и Глеба
Сорвали кресты с куполов,
А в поле, забывшем о хлебе,
Колосья бетонных столбов...

Быть может, не прав я, не скрою,
Но я не оглох, не ослеп.

О, как же мне горек порою
Давно не отеческий хлеб!

Спасёмся ли только любовью?

Отверзнутся ль нам небеса?

Россия, умытая кровью,

Ещё не открыла глаза.

* * *

Надежда умерла,

А мы живём.

Ни Родины. Ни памяти. Ни песен...

А ты твердишь, что стало интересней,

Что жизнь идет как будто на подъём...

Россия вся в витринах и витринках.

Всё в розницу — свобода, совесть, честь.

Но рады и застолию на поминках,

Поскольку можно выпить и поеть.

* * *

Который год нас бури носят.
Ужели нас оставил Бог?
А за окном — всё та же осень.
Застывший пруд. Забытый стог.

Курлычет, улетая, стая,
Пустеет, опадая, сад...
А ночь такая же глухая,
Как много лет тому назад.

Поймёшь, куда вели дороги,
Отринешь ветхих правил тлен,
Когда разверзнутся итоги
За мутной дымкой перемен.

И ты, печальный очевидец,
Поймёшь — не ту открыли дверь...
Дурак ты или ясновидец —
Какая разница теперь.

* * *

Кажется, что жизнь сошла «на нет»,
Под былым проведена черта.

Нынче нет ни писем, ни газет,
Только телефонные счета.

Раз контора пишет, значит, мне
Рано обижаться на судьбу.
Знают про меня в родной стране
И достанут, видимо, в гробу.

Каждая душа наперечёт.
Каждый человек подвластен им.
И антихрист после наречёт
Тех, кто выжил, именем своим.

* * *

Мы хороших не ждём новостей,
Катастроф стало больше, пожаров.
Стало меньше хороших людей.
Стало больше хороших товаров.
Стали меньше читать и писать.
Пить, пожалуй, — побольше, чем прежде.
И синеет сомнений печать
На ещё не окрепшей надежде.

* * *

Гордились долго — чужь и водь —
А вот уж в Космос полетели...
Лишил нас разума Господь —
И мы как листья облетели.

Что толку — царь ты или князь,
Хрустят обманчивые льдинки,
И скоро всех нас втопчут в грязь
Американские ботинки.

* * *

Друг мой, а что же делать мне,
Когда метель во мгле закружит,
Когда вдруг сердце занедужит
В чужой, богатой стороне...
Когда ты сам и сыт и пьян,
Когда в дому твоём достаток,
А всё вокруг — один упадок,
Во всём вокруг — один обман.
И что же делать мне, скажи,
И как унять мои тревоги,
Когда кружатся миражи
Позёмкой стылой по дороге...

* * *

Долгий год. Тяжёлые утраты
На счету у каждого из нас.
Родина, великая когда-то,
Стала хуже нищенки сейчас.
Сын её румяный и пригожий
Весело по улице идёт,
Для неё, болезной, медный грошик
В импортном кармане не найдет.

* * *

Давно уж ни во что не веря,
Как будто в беспросветном сне,
Живём давно под знаком зверя
В своей нетопленной стране.

Огней неоновых свеченье,
Машин урчащих суета...
О, только б слово отреченья
Не осквернило бы уста!

Замызганы фасады зданий.
Собака в поисках тепла...
Молю, чтоб тяжесть испытаний
Посильной ношею была.

* * *

Раньше мы своим гордились прошлым —
Нынче всё похерено давно.
Мир наш стал теперь тупым и пошлым,
Как американское кино.

Дал Господь простор экспериментам —
Всё, кажись, успели сотворить...
Дикторы — и то уже с акцентом
Стали вдруг по-русски говорить.

Но, как прежде, тянутся на дачи
И опять, ругая власть зазря,
Празднуют, пусть даже и иначе,
Прежний красный день календаря.

Всё вокруг так зелено, красиво...
Празднику, конечно, всякий рад,
И вожди отечественным пивом
Балуют родной электорат.

* * *

Кружась во Всемирном потоке,
Мечтали достичь высоты,

Хотели пожить как в Европе,
Разинули, глупые, рты.

А всё обернулось иначе —
В привычной сумятице дней
Богатые — стали богаче,
А бедные — стали бедней.

Как крепко засела в народе
Премудрость прошедших веков,
О братстве мечта и свободе —
Извечный удел дураков.

Как будто о нас, идиотах,
Болят у француза душа...
Теперь на иных оборотах
Телега скрипит не спеша.

Печалиться, впрочем, не надо.
Виновных не стоит пороть,
Бредущее медленно стадо
Пока не оставил Господь.

* * *

Всё учились на чужих примерах,
Как прожить легко и не спеша.

Ни любовью светлую, ни верой —
Суетой наполнилась душа.

Метили в Америки, в Европы,
Только не для нас был званый пир.
Нынче лотереи, гороскопы
Составляют наш духовный мир.

Нынче чародеев, звездочётов
Слушаем, как будто бы святых.
Всё гордились точностью расчётов,
А бледем, как сонмище слепых.

Ни стыда не ведая, ни срама,
С просьбами о счастье на устах
Всё толчемся в православных храмах,
Словно бы в присутственных местах.

На прощальном банкете

Кончено свидание с Россией,
Вы уже наездились сполна.
Пейте, ешьте, гости дорогие,
Хватит всем закуски и вина.

Вечереет. Скоро сядет солнце.
Станет в нашей комнате темно.

Посидим, поспорим, посмеёмся,
А потом, как повелось давно,

Вы споёте песни о далёкой,
Солнечной и радостной земле,
И про то, как сокол ясноокий
Гордо реет в предрассветной мгле.

А за нашу песню не взыщите,
Что в ней — грусть, сердечная тоска?
Гости дорогие, не судите
Строго удалого ямщика.

Тает тракт в заснеженных просторах,
Тускло озаряемых луной...
Много песен на Руси весёлых,
Только я не знаю ни одной.

* * *

Мы шли, не ведая тревоги,
По проторённому пути...
Известны были все дороги.
Куда же нам теперь идти?

Мечталась участь всем иная,
И счастье — полною рекой...

Была избушка лубяная.
Не стало нынче никакой.

Не веря Богу и природе,
Всё ищем, на кого пенять...
Так утомились на свободе,
Что в рабство хочется опять.

* * *

Тяжеловесная луна
Плывёт над миром,
И спит усталая страна
В величье сиром.

Своей не ведая судьбы,
В цветной пижаме,
С рабами вместе спят рабы,
Вожди — с вождями.

Успокоение таят
Объятая ночи.
В конюшне лошади стоят,
Сомкнувши очи.

Застыли тени на стене,
Заснули птицы,

Похоже, что лишь только мне
Ещё не спится.

Как будто это только я
Предвижу даты,
Неотвратимость бытия
И час расплаты.

* * *

Жить хотелось бы получше,
Не меняя ничего...
Всё надеемся на случай,
На удачу — как в кино.

С замираньем из столицы
Ждём дурацких новостей,
Свято верим в небылицы,
Ждём неведомых гостей.

Ходим в храмы. Ставим свечи,
Ждём спасительных идей,
Слушаем пустые речи
Распустившихся вождей.

О земном мечтая рае,
Ищем следствий и причин.

Потихоньку вымираем,
Понимающе молчим.

* * *

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят.

Мы прошлого и будущего дети.
Но даже за себя мы не в ответе,
Не то что за народ и за страну,
Мечтали о любви, о тихом счастьее
И с треском очутились в настоящем,
Как крест чужой, неся свою вину.

Наверное, старею год от года.
Виной тому не время, а природа —
Она, как ни крути, берёт своё.
Но собирая прошлое по крохам,
Я всё же остаюсь в своей эпохе,
Где Дух определяет Бытие.

С зимой, похоже, всё в порядке.
Морозец спал. Снежок парит.
И по ночам на стройплощадках
Ханты-Мансийска свет горит.

Фасады высятся вальяжно
Над среднерусской суетой,
И город мой разноэтажный
Летит над сумрачной тщетою.

Когда-нибудь опять великой
Россия будет. А пока
Голубоглазые таджики
Нам строят счастье на века.

Не знают русский поголовно,
Не граждане и не бичи,
Неторопливо и неровно
Кладут ребята кирпичи...

Умы давно поистощились...
Теперь вот не хватает рук...
Когда ж Господь явит нам милость,
Освободит от вечных мук?

Законы вечные природы
Не отменить. Не осмеять.
Другие, видимо, народы
Россию будут населять.

Печальна участь человечья,
Уйдём, неся свою вину.
И незнакомые наречья
Нарушат храмов тишину.

* * *

Скоро мы оставим мир подлунный,
Чтоб потом преданиями стать...
Всё равно мне — готы или гунны
Будут эти земли населять.

Птица пролетит легко, беспечно,
Зазвонит в ручье лесном вода,
Многое останется навечно,
Многое исчезнет навсегда.

Здесь же всё останется как было,
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака.

Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной, полынный ветер
Говорит на русском языке.

* * *

Мы жили с Господом в разлуке,
И, скорбный путь во мгле верша,
Была обречена на муки
Окаменелая душа.

Живут, в иные веря сроки,
Своей не ведая судьбы,
Жестоковейные пророки,
Жестокосердные рабы.

И скудоумные витии
Опять предсказывают путь
Для нашей матушки России —
Куда-нибудь и как-нибудь...

Пусть кружит бес по бездорожью —
Найди свой храм, развея свой страх...
А в каждом храме — Мать Божья
С Младенцем вечным на руках.

* * *

Похоже, слишком много знаю,
Но в ожиданьи долгих зим
Особенно не выступаю,
Сообразуясь с веком сим.

Пройдут забвение и слава...
И что останется от нас?
Правдивым можно быть и правым,
Не выставляясь напоказ.

Другие дни. Другие даты.
Иная Родина и речь.
Но в ожидании расплаты
Суметь бы душу уберечь.

* * *

Традиции. Вера. Устои.
А нам говорили — пустое...
А нас уверяли — прогресс...
А нынче — усталые лица,
В телевизионных глазницах
Ликует полуденный бес.

Не чувствуя боли утраты,
Живём ожиданьем расплаты
В дыму погребальном конца.
Приветствуем вора и хама,
А возле воскресного храма
Не встретишь родного лица.

Но всё же не кончена битва,
Ведь где-то вершится молитва,
А стало быть Русь устоит,
Покуда трепещет сердечко,
Покуда мальчишка со свечкой
У скорбной иконы стоит.

* * *

Живу предвкушением чуда,
Застыв у беды на краю.
А рядом — заклятый Иуда
Готовит измену свою.

Не строит улыбчивой рожи,
Не прячет козлиную статью,
И думает — как подороже
Остатки державы продать.

Пусть будет прозрение поздним,
Пусть будет печальным итог,
Останутся небо и звёзды,
Останется солнце и Бог.

Да вечное русское поле,
Где ветер гуляет на воле.

* * *

Мы видели чужие сны —
Свобода, равенство и братство...
А непутевые сыны
Пропили Родины богатства.

Забрали нефть, забрали лес,
Ушли с насмешкою и злобой...
А синь бескрайняя небес
Её-то отбери, попробуй!

Какая даль вокруг видна!
И нету ей конца и края —
Речная катится волна,
На солнце утреннем играя.

Запели птичьи голоса
И просыпается природа.

Но застигает тьма глаза
Богохранимого народа.

Но рано подводить итог
И чувствовать героев битвы,
Покуда милосердный Бог
Оставил время для молитвы.

* * *

Погаснут светила в полуночный час,
В преддверьи крушенья эпохи
Они пожалеют, что тронули нас,
Что песню прервали на вздохе.

Струится забвения лунная пыль,
Опустится сумрак бездонный,
Огнем погребальным взметнётся ковыль
Над Родиной снежной и сонной.

Судивший нас — с нами во мрак снизойдёт,
Кровавой напившись свободы.
Сомкнётся над нами бессмертия лёд,
Застынут мятежные воды.

Но снова заплещется веры вода
В глазницах пустых океана.

Истлеют, рассыплются в прах невода,
Развеются клочья тумана.

И в страхе изыдет полуденный бес,
И спустится Ангел с высоких небес.

* * *

Делили хлеб, делили кров,
Дарили дружбу, а не милость.
А нынче — горе, слёзы, кровь —
Ну почему так получилось?

Границы новые черти —
Не трудно начинать сначала.
Легки беспамятства пути —
Скажи, чего нам не хватало?

Во мраке нас вела любовь,
Душа печалилась, но — пела,
А нынче только дым да кровь —
Раздор последнего раздела.

Деля наследственный удел,
Сожгли мосты, снесли дороги,
И в суматохе праздных дел
Забыли о душе и Боге.

Но скорбный подводить итог
Уже не нам — а нашим детям;
Молись, чтоб милосердный Бог
Их сохранил на белом свете.

* * *

Весна. И снова — ледоход.
Апрель надеждой тешит,
Но с нами вновь идут в поход
И домовый, и леший...

Не досмотрели зимних снов,
Очнуться не успели,
Как стаи новых колдунов
Со свистом налетели.

Куда волхвы нас завели
Теперь поймём едва ли,
Но оторвавшись от земли
Мы силу потеряли.

И захлебнувшийся тоской
Заморского дурмана,
Безмолвно тает род людской
Во мгле телеэкрана.

В колонну строит новый век,
Аршином общим мера.
Отринет Бога человек
И превратится в зверя.

Плывут вдоль берега реки
Расколотые льдины.
Пути Господни нележки
И неисповедимы.

Дожди

I

Одолели ироды, иуды,
Обложили с ног до головы.
Взять бы да уехать на Бермуды,
Всё одно — подальше от Москвы.

Всё одно — подальше от столицы.
От измен. От пьянства. От страстей.
От кувшинных рыл Замоскворечья,
От вранья тускнеющих вождей.

И терпеть уродов нету мочи,
Закружили в гнусном вираже,
Довели до ручки — даже в Сочи
Мне теперь не хочется уже.

Да и то сказать — и там дождливо,
Весь сентябрь промозглый от дождей,
От чего же стало так тоскливо
На бескрайней Родине моей?

В этом вихре сумрачном и пошлом
Красота давно сошла «на нет»,
Радости — ни в будущем, ни в прошлом,
Да и там ли ищем мы ответ?

Всё у нас едино — быль и небыль.
Не хотели. Да и не смогли.
Что теперь? Куда теперь до неба?
Не слететь бы с матушки-Земли.

II

Непогода. Во всём — непогода.
Во вселенной. В пространстве квартир.
Непомерно устала природа
От людей, населяющих мир.

Может, в эту последнюю осень
Хочет мирно планета пожить,
Человечество, если не сбросить,
То хотя б на обочину смыть.

* * *

В порыве страсти окаянной
Мы сокрушили русский дом.
Эпоха будет безымянной,
Ну а беспамятной — потом.

Мы научились поклоняться
Животной страсти естества,
И будет радостно смеяться
Иван, не помнящий родства.

И крик последнего уroda
Полночный ветер вдаль умчит,
А равнодушная природа
В ответ как прежде промолчит.

* * *

Уверовали в мифы
И в сказки без затей,
Но выросли тарифы
И стал народ бедней.

Уверовали в чудо
И в нового царя,

Но только ест Иуда
Хозяйский хлеб не зря.

Хлебнули мы без меры
Вселенскую печаль,
Но только жить без веры
Получится едва ль.

Не вымолим прощенья,
Отринем свет небес —
И новым поколениям
Закружит разум бес.

Бредём по бездорожью
Сквозь мглу и непогодь.
Спаси нас, Матерь Божья,
Помилуй нас, Господь...

* * *

Всё выше и выше, и выше —
Сумели себя побороть.
Но только всё видит и слышит
Всегда милосердный Господь.

Всё проще и проще, и проще
Становятся мысли и сны.

Шумят облетевшие рощи
Когда-то великой страны.

Всё больше и больше, и больше
Берёт ненасытный сосед —
Уменьшимся скоро до Польши,
А после — и вовсе «на нет».

Всё хуже и хуже, и хуже
Живёт мой полуночный край.
Всё уже и уже, и уже
Дорога, ведущая в рай.

* * *

Заветное счастье украли,
Оставив чужую вину.
Я думаю, мы проиграли
На первом этапе войны.

Застолie было обильно,
А нынче дошли до сумы.
Уже затуманились сильно
Смятенные наши умы.

Укрыться куда бы от беса,
От новых неведомых пут...

Но орды стального прогресса
Армадою танковой прут.

Без страха, без злости, без воли
Сдаём города не спеша,
Уходит в глухое подполье,
Со злом не смирившись, душа.

Услышана будет молитва,
Господь не отмеривал срок,
Ещё не окончена битва
И непредсказуем итог.

* * *

В разноголосии племён
Наш голос — глуше, тише.
Боюсь, уже не будет он
Потомками услышан.

Во мраке скорбный путь верша,
Не узнаём друг друга,
И воля, разум и душа —
Как лебедь, рак и щука.

Молись в преддверии конца,
Чтобы явилась милость —

Чтоб по велению Творца
Всё вновь соединилось.

* * *

Мы обрели космическую славу,
Узрели Марс. Слетали на Луну.
Но начисто забыли про державу,
Осиротели, потеряв страну,

Мы шли вперёд — на Альпы и на Анды —
Дарили счастье людям всей земли,
Но вот уже басмаческие банды
Границы наши молча перешли.

Вновь укрепляем средь народов братство
И гордо восседаем на пирах,
А наше несусветное богатство
Гниёт в заокеанских закромах.

Наш газ охотно пользуется планета,
Мы снова в центре мировых судеб,
А сами кое-где сидим без света,
И денег — только на насущный хлеб.

У нас в мозгах — то карнавал,
то — саммит,
Не ведаем — где друг, где лютей враг...
Пусть виноват весь мир.
Но мы-то сами,
Но мы-то с вами — люди, или как?

* * *

Какая тишь! В округе
Струится лунный свет.
И недруги, и друзья
Давно сошли «на нет».

Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристани дрожат.

Ржавеют кипарисы,
Мелеет водоём,
Давно сбежали крысы,
А мы ещё плывём.

Выборы

Праздник. Площадь. Балаганы.
Водка. Грязные стаканы.
И дешёвые закуски —
Человек гуляет русский.
Человеку много ль надо?
Песни. Танцы до упада.
Девки. Драки. Матюги —
Вот такие пироги...
Ну какой он безобразник,
Хулиган? Сегодня — праздник!
Радость нынче для народа.
И — да здравствует свобода!
Море водки. Море пива.
Человек мычит счастливо.
К выбору без лишних слов
Он теперь почти готов.
Знает он, едрёна мать,
За кого голосовать!

* * *

Давно не пахнет русским духом —
Проветрено насквозь.

Но будь уверен — где-то ухнет
Могучее «авось».
Взовьются зорные метели
В рождественской ночи,
И обезумевший Емеля
Промчится на печи.
— Ужо мне попадетесь, суки! —
Кричит что было сил...
Совсем не то, видать, у щуки
Сердешный попросил.

* * *

Мы были крепче стали,
А кем мы нынче стали?
Нас всех товарищ Сталин
Давно б пустил в расход.
Нуждаемся в лечении
И тихо по течению
По щучьему велению
Плывёт наш пароход.

Мы стали очень плохи.
Мы — стоны, всхлипы, вздохи.
Мы — на краю эпохи.
Мы — сброшены в отвал.

Всё было — честь и слава.
А нынче всё — потрава,
Великая держава —
Дешёвый карнавал.

Мелькают маски, ленты,
Вожди, эксперименты,
Заезжие клиенты
И люди без лица.
Всё близится к развязке
В последней этой пляске,
И в этой страшной сказке
Недолго до конца.

Мне всё известно это,
Давно не жду ответа.
Пускай мне это лето
Подарит тишину,
Развеет мрак и горе
У Ладожского моря,
Зажжёт в ночном просторе
Высокую луну.

Твои глаза и руки,
Минувшей жизни муки,
Забытые науки,
Томы ненужных книг,

Полуденное солнце,
Песок на дне колодца...
И пусть мне улыбнётся
Любви прощальной миг.

* * *

Хватало и зрелищ, и хлеба,
И счастье — полной рекой.
Всё было прекрасно — до неба
Уже доставали рукой.

А вспомнишь — пилось, как и пелось
В счастливые эти года...
Скажи мне, куда это делось?
Исчезло однажды — куда?

Мы жили, не зная молитвы,
Без Бога построили храм,
И всё уступили без битвы,
Доверившись лживым волхвам.

Мы глухи, мы слепы, мы немые.
И разум болеет и плоть.
Не помним уж, кто мы и где мы,
Но нас не оставил Господь!

Услыша слова покаянья,
Простит нам бывые деянья.
Услышит молитвы — и разом
Вернёт нам и силу и разум.

* * *

Беда не в дураках и не в дорогах,
А в том, что, потеряв свой путь в глуши,
Мы с покаяньем не взыскуем к Богу,
Не веруем в бессмертие души.

То плачем, то смеёмся без причины,
Не ведаем ни правил, ни основ,
И гнёмся, как осенние осины,
Под сумрачным стенанием ветров.

Не разбирая глупости и вздора,
Завидуя судьбе заморских стран,
Мы превозносим то гупца, то вора,
Устало вперив взор в телеэкран,

А он горит голубоватым светом
И, кажется, едва чадит при этом.

Глубинка

Глубинка — это не столица,
Глубинка — это глубина.
Беднее быт. Светлее лица,
Но ярче — солнце и луна.

Шумит листва. Щебечут птицы
И тает на песке волна.
Как оглушительны столицы,
Как неизбежна тишина.

Столичной жизни ахи, охи
Смешны, когда ты зришь в глуши
И глубь реки, и глубь эпохи,
И глубину своей души.

Глубинка дремлет. Спят столицы.
Струится в небе дым печной.
Молчит листва. Уснули птицы.
Растаял след волны речной.

* * *

Нам всем конец? Не верю!
Рассеется мираж...

Крадущемуся зверю
Читаю «Отче наш».

Пусть я ещё не знаю
Ни правил, ни основ,
Но он-то понимает
Значенье вещей слов.

Времена года

* * *

Весна. А снега — выше крыши!
В морозной дымке небеса.
Но, кажется, уже, что слышу
Синиц весёлых голоса.

В снегах готические ели
Согнули ветви до земли,
Но будто отзвуки капли
Уже слышались вдали.

И вот, со страстью первородной
Река очнется, лёд круша...
И так легко, и так свободно
Вдохнёт усталая душа.

Как будто нынче не морозы
Сковали мартовские дни,
Как будто белые берёзы
Зажгли зелёные огни.

Весна

Тает жизнь, как снег на руке,
И почти не осталось запаса.
Прочен лед на весенней реке,
Но закрыта по зимнику трасса.

Жизнь мчит, суетясь и спеша,
Перепутались лица и даты,
Отчего же, скажи, вдруг душа
Озаботилась чувством утраты?

Может, ранняя эта весна,
Пробудившая сонные реки,
Может, просто лекарство от сна
Выбрать нынче в ближайшей аптеке?

Видно, просто иная пора
Приближается неумолимо,
Ветры с юга задуют с утра,
Приближая развязку незримо.

Реки вскроются. И не спеша
Поплывут белоснежные льдины
От ольховых болот Иртыша
В ледниковое царство чужбины.

Предрассветное чувство беды
Вдруг исчезнет, как сумрак тумана
В час, когда тихоходные льды
Растворятся во мгле океана.

* * *

Весны долгожданный приход —
Природы неожиданная милость.
Едва миновал ледоход,
А вот уж листва распустилась.

Промыт изумрудный кедрач
Звенящими ливнями мая,
Над мокрыми крышами дач
Потянется первая стая.

В отмеренный Господом срок
Душа встрепенётся несмело —
Как этот зелёный листок,
Как ветка черёмухи белой,

И радость охватит меня.
И что мне все ахи и охи —
Тревоги минувшего дня,
Сомненья грядущей эпохи,

Печали ушли навсегда,
Иду молодой и счастливый —
Какая большая вода,
Какие высокие ивы,

Плывут, не спеша, облака,
И в небо впадает река.

* * *

Качается солнце на ветке,
Плывёт, тяжелея, жара,
Стучится в москитные сетки
Назойливая мошкара;

И так хорошо и покойно
Под сенью сосновых ветвей;
Что кажется — бури и войны
Исчезли с планеты моей;

Июльское царство покоя,
В цветеньи — поля и сады,

Но только откуда такое
Предчувствие скорой беды?

И что так внезапно встревожит —
Грядущего скорбный итог?
Иль этот случайный прохожий?
И первый осенний листок?

* * *

Заголубли льдины,
Повеяло теплом,
И солнце на смотрины
Явилось в каждый дом.

Светило солнце ярко,
Шаги звучали гулко,
И людям стало жарко
В пространстве переулка.

* * *

Иней на ветках пустых серебрится,
Листья ещё в октябре облетели,
Солнечный свет осторожно струится,
Путаясь в иглах заснеженной ели.

Солнечный лучик испуганной птицей
Робко летит от берёзы к берёзе,
Словно на месте замёрзнуть боится,
Жёлтым комочком застыть на морозе.

* * *

Сухая и тёплая осень.
Последние дни октября.
Сквозь кроны подоблачных сосен,
Дымясь, проступает заря.

Туманное небо высоко,
Но холодом веет уже.
Как тихо. И так одиноко
В осеннем лесу, на душе.

Рябины тяжёлые кисти
Мерцают в рассветном чаду.
И падают жёлтые листья —
Последние в этом году.

* * *

За окном — ноябрьский дождь и ночь,
Фонарей и звёзд мерцает путь.

Только б эту осень превозмочь,
До зимы бы только дотянуть.

Грянет ночью сумрачной мороз.
Мягко лягут первые снега,
И среди заснеженных берёз
Зазвенит весёлая пурга.

И забьётся сердце не спеша,
Мягко снег кружится, не спешит,
И ледком затянется душа,
И снежком её припорошит.

* * *

Потянуло холодком
Из пустого сада,
Под искрящимся ледком
Чёрная ограда.

Вижу — журавли летят,
Слышу крик печальный.
И застыл осенний сад,
Как дворец хрустальный.

Зима

А за окнами — снег и тишь.
И на тысячи вёрст — зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

Одеваюсь в сенях не спеша,
Здесь никто зимой не спешит.
Ни к чему не лежит душа,
Ни к кому душа не лежит.

Тихо кружится голова.
Мыслей катится снежный ком.
А сосед мой колет дрова,
Звонко тенькает топором.

Он-то ведает, что к чему,
И на всё имеет ответ.
— Будь здоров, — говорю ему.
— Будь здоров, — отвечает сосед.

Вон запутался в проводах
Белой вьюги блестящий след —
Третьи сутки сидим впотьмах,
Ждём, когда же подключат свет.

Третий вечер сижу во мгле.
Отгудели дрова в печи,
И чуть теплится на стекле
И дрожит огонёк свечи.

Сигареты струится дым,
И лиловый пепел застыл.
Я когда-то был молодым,
Я когда-то тебя любил.

Ветер что-то запел в трубе,
Улетая в ночную тьму.
Написать бы письмо тебе,
Да, наверное, ни к чему...

Ни к чему золу ворошить,
Прогорела уже дотла.
И задвижку пора закрыть —
Сохранить хоть немного тепла.

Завтра снова печь затоплю.
Мыслей снежный растает ком.
А собаку себе не куплю:
Слишком много хлопот со щенком.

А за окнами — снег да тишь.
И на тысячу вёрст — зима.

Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

* * *

Когда едва-едва светает,
Чуть задымив, светлеет мгла.
И понемногу остывает
Костра полночного зола.

Июль, июль — макушка лета!
Ещё земля тепло хранит,
Но после этого рассвета
Уже короче станут дни.

Но нет и тени увяданья!
Уже светлеют небеса,
И вместе с птичьей песней ранней
Над поймой зазвонит коса.

И чаек раздадутся крики,
И в хороводе, так легки,
Закружат золотые блики
На волнах утренней реки.

Ну а пока во мгле туманной
Встречаю раннюю зарю.

Стою во мгле как гость незванный
И ничего не говорю.

* * *

Не думать, наверное, проще.
Но лучше ль печалиться зря?
Мерцает в осиновой роще
Багряный закат сентября.

Промчались июльские ливни,
Царят затяжные дожди.
Ну что же поделать, скажи мне,
Коль звонкий июль позади?

Возможно ль теперь возвращаться
В те дни, где звенела листва?
Как мокрые листья, кружатся
Такие простые слова.

И всё — кутерьма и морока.
И впредь никого не вини,
Когда заалеют до срока
Калёной калины огни.

* * *

Дрожащие тени ложатся
На светлые воды реки,
Опавшие листья кружатся,
Красивы, изящны, легки.

И пахнет так резко и странно
От свежей, промёрзшей земли,
И в небе прозрачном, стеклянном
Чуть слышно звенят журавли.

И есть ещё время до срока,
Когда загудят провода,
Когда поседеет осока,
Когда потемнеет вода.

* * *

Передумал. Переболел.
И уже не томится душа.
Сад ноябрьский облетел,
По листве иду не спеша.

Неизбежна зима, как смерть.
Небосвод первозданно чист.

Буду молча стоять, смотреть,
Как кружится последний лист...

А не так ли теперь и мы —
То взметнувшись, то падая вниз —
Перед ликом мёртвой зимы
С упоением пронеслись?

Осень кончилась. Минул век.
Чуть дымясь, холодеет земля.
Очень скоро выпадет снег
Белым саваном на поля.

В осеннем парке

Здесь всё, наверно, так и было
И будет, кажется, всегда.
Вот ива ветви уронила
На гладь застывшего пруда.

Всё приготовилось к разлуке
С осенним пиршеством судьбы,
И труженик в похмельной скуке
Для статуй делает «гробы».

Трава в снегу. Листы фанеры.
Он молча ладит молоток.

И на челе нагой Венеры
Застыл озябнувший листок.

Зимний пляж

День отрадный. Снегопадный.
На дороге — след колёсный.
Вдоль залива — очень ладно
Ветер вытесал торосы.

Солнце, затерявшись в тучах,
Остывает постепенно...
Летом здесь, конечно, лучше.
Веселее, несравненно.

Летом — суета и пиво.
Нынче выпить негде даже.
Я стою один, счастливый,
На пустынном снежном пляже,

Где завьюжен, молчалив,
К небу тянется залив.

* * *

Осень скоро постучится
Проливным дождём.

Как там сложится, случится,
Всё сидим да ждём.

Ветер гонит клочья дыма,
Поздний час.
Жизнь прошла неумолимо
Мимо нас.

* * *

Отмечаю последние даты,
Провожая сентябрьские дни.
Как в преддверии скорой утраты,
Догорают ночные огни.

Опоздал я — и нет мне ответа,
Волны катит река не спеша.
От дождливого, хмурого ветра
Отогреется вряд ли душа.

Слишком долгой была непогода,
Слишком долго мы ждали тепла...
И последний гудок парохода
Поглотила озёрная мгла.

* * *

Тяжелеют волны у реки,
И вода туманом стать готова.
Терпеливо мёрзнут рыбаки
В ожиданьи крупного улова.

В инее застыли камыши,
Замолчали до рассвета птицы.
Тишина. Не видно ни души,
Даже солнце выглянуть боится.

Я иду по берегу один,
Но предзимья каждый миг лелея,
В ожиданьи скорых холодин
Душу бы укутать потеплее.

* * *

Исчерпан февраль без остатка
До самых последних снегов,
Слабеет привычная хватка
Звонящих морозных оков.

Лишь солнце пригреет — синицы
Поднимут неистовый гам,

И отблеск лучей заискрится,
Скользя по лиловым снегам...

Но это — лишь завтра. А ныне —
Промёрзшие клочья небес.
И стонет под ветром и стынет
Не к сроку разбуженный лес.

Город на Неве

Недовольно гаснут фонари,
 Улицы в сиреновом тумане.
 Солнца медь на небе, посмотри,
 Утро начищает облаками.

Ночью в город приходит весна.
 Спят канала свинцовые воды,
 Но, очнувшись от долгого сна,
 Пробуждаются силы природы.

Тает снег. И светлей вечера.
Суетятся весёлые птицы.
У случайных прохожих вчера
Просветлели усталые лица.

Отчего же, скажи мне, друг мой,
В эти дни голубого апреля
Я теряю последний покой,
Становлюсь нетерпимей и злее?

Отчего же, скажи, иногда
Больно так от веселья чужого?
Отчего же внезапно тогда
Так бессильны и чувство, и слово?

Но когда заслоняют уже
Всё на свете лихие печали,
Тихо музыка в стылой душе
Прозвучит, как в покинутом зале...

Остальное — не всё ли равно?
Остального не вижу, не слышу...
Опускаюсь на самое дно,
Поднимаюсь всё выше и выше...

* * *

Вода в Неве — чернее сажи.
Склонившиеся фонари
Стоят как будто бы на страже
Порывов первых волн зари.

Вода в Неве — чернее сажи,
А небо синее — без звёзд,
Неона свет — бледнее слёз,
Пролитых кем-то над пропажей.

* * *

Развели над Невею мосты.
Переулки повсюду пусты.

Где-то вздрогнул последний трамвай,
Словно горя хватил через край.

Прогремель, прозвенел, простучал
И во тьме непроглядной пропал.

Долго светится чьё-то окно,
И кому-то не спится давно.

Но мелькнул на стене силуэт —
И погас утешающий свет.

Только ночь.
Только дождь.
Только тишь.
Только гулко стекает с крыш.

Только тускло горят фонари,
Словно отблески ранней зари.

Памятник Петру

Светает. Тихо. Город спит.
Лишь ветер дерева колышет.
А кажется, что конь хрипит,
А всадник видит всё и слышит.

И, видно, нет ему покоя:
Как бы предчувствуя беду,
Сжимает властною рукою
Уже ослабшую узду.

Лежат тяжёлые туманы,
Но с тех давно минувших дней
До сей поры шипит поганый,
Коварный и отвратный змей...

Мойка, 12

Как в этом месте
Невский тесен —
Сужается перед мостом.
Увы, ничем не интересен
Отреставрированный дом.
Здесь очень шумно,
Очень бойко,
Здесь толчея и суета.
Здесь глухо шепчет речка Мойка,
И та, и вроде бы не та...
И дорожа секундой, часом,
Спешим, опережая тень...
Здесь Пушкин встретился с Данзасом
В январский несчастливый день.
А вскоре здесь,
На месте этом,
Читали, скорбны и тихи,
Стихи неизвестного поэта,
Уже бессмертные стихи.
И ты, на месте стоя этом,
На два столетья оглянись —
Здесь судьбы двух больших поэтов
Таинственно пересеклись.
Вот здесь,
На две ступеньки ниже,

Где полустёртый барельеф,
Где Мойка плещется чуть слышно,
Уже заметно обмелев...

Исаакиевский собор

Как морозно и ветрено в мире.
Всё, наверно, давно решено.
У Рылеева в тесной квартире
Недопитым осталось вино...
Вы спешили на площадь с рассветом
Под штандарты мятежных полков.
Как на солнце горят эполеты,
Как тревожно мерцанье штыков!..

Нынче здесь ничего не напомним
О героях минувших времён...
А в ушах —
То ли звон колокольный,
То ль кандалный, овьюженный звон.
Купол висится в отблесках мгlistых,
И проносится
Лет череда,
И на шпиге его серебристом
Одиноко мерцает звезда...
Век мятежный грядет и бесславный,
Лёд на царственной тает реке,

И заснеженный всадник державный
Крепко повод сжимает в руке.

Ночую в гостях

Только в комнате выключу свет,
Как останусь один в этом мире,
И подумаю вдруг — сколько лет
Этой старой, забытой квартире?
Кто в стенах этих жил, кто тужил
По несбывшейся светлой надежде?
Кто рублём золотым дорожил
В этом доме глухом на Разъезжей?
Здесь бродил Достоевский не раз,
Пушкин к Дельвигу ехал под вечер,
Чернышевский в полуночный час
Шёл, сутуля высокие плечи...
И какая теперь тишина
И безликость ночными часами...
Лишь мерцают в ночи имена,
Что хранит нестареющий камень.
Станет страшно в зловещей тиши
На мгновенье, всего на мгновенье!
Память камня — не память души —
Не распались бы вечные звенья,
Чтобы в эту зловещую щель

Не врывался беспамятства ветер...
Скрипнет плохо прикрытая дверь.
Дрогнут блики фонарного света.
И распахнутой книги страница
Шевельнётся, и дрогнет рука,
И едва заскрипит половица,
Заколышутся тени слегка...
Я не сплю. Я лежу не дыша.
Кто полуночью сумрачной бродит?
Может, грешная чья-то душа
Что-то ищет, да всё не находит...

* * *

Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский.
С крыш вода на тротуар течёт...
Отставной поручик Достоевский
По притихшей улице идёт.

Боже! Как дождливо в этом мире!
Впрочем, бездна всё-таки без дна.
Может, всё же посидеть в трактире?..
Спросит чаю. Сядет у окна.

Не минуют тёмные напасти —
Бьёт судьба как будто наобум.

Есть расчёт в любой безумной страсти,
Безрассуден самый трезвый ум.

И поди ж предугадай попробуй,
Где и чья прольётся завтра кровь
В миг, когда соседствует со злобой
Доброта и вечная любовь.

И попробуй быть скупым и кратким
В час труда, забвенья и гульбы,
В миг, когда вот-вот поймёшь загадки
Русской удивительной судьбы.

Всё так просто и необъяснимо,
И попробуй догадайся сам...
Дым табачный вьётся мимо, мимо,
Через фортку — прямо к небесам...

* * *

Как сговорившись окна гаснут.
И вот уж город погружён
В спокойный, безмятежный, ясный,
Почти что детский, тихий сон.

Забуду о добре и зле,
О пустоте дневного вздора.

Смотрю, как в сумеречной мгле
Мерцают купола собора,

Как над застывшею листвою
Сиянье лунное разлито,
Как конь над сонною Невой
Вознес тяжёлые копыта.

Мерцают тускло фонари.
В реке дрожат ночные звезды.
Ещё есть время до зари,
И, может быть, ещё не поздно

Связать оборванную нить,
Поднять распавшиеся звенья?
И начинать, как прежде, жить
Без гордости и сожаленья,

Без суеты и без подсказки
Дрожащих, тающих теней,
При свете совести и сказки,
В сиянии звезд и фонарей...

В Царскосельском саду

Брожу я по аллеям не спеша,
И легкой грустью полнится душа...

Какая толчея и суета,
И лебедей не видно у моста.
Нет гордых птиц! Зато со всех сторон
Слетелись стаи черные ворон.
Смотрю, как ворон в небесах повис,
Как, замирая, зорко смотрит вниз,
Как мрачно тень тяжёлого крыла
На купол позолоченный легла.

Закат

Озябшие чайки кричат —
К таким холодам непривычны,
И в дымке морозной Кронштадт
Отсюда мне виден отлично.

Сомненья оставь на потом,
Вглядишься в бесконечность простора —
Граница меж небом и льдом
Во мраке сокроется скоро.

Заката тускнеет пожар,
Сгущается мгла торопливо,
И солнца малиновый шар
Остынет в торосях залива.

* * *

Сошла с небес полночная звезда
И засверкала на высоком шпиле,
Которым крест в тридцатые года
На куполе собора заменили.
И верили, иначе и нельзя,
Как только рушить всё до основанья...
Струится нынче лунный свет, скользя,
Окутывая улицы и зданья...
Не будем вспоминать давнишний спор,
Что потерял давно своё значенье.
Смотри, стоит увенчанный собор,
Окутанный таинственным свеченьем...
И до заветной не достать рукой,
Не отменить, не наложить запрета,
И льётся свет серебряной рекой,
И нам уже глаза слепит от света.

* * *

Промозглый питерский февраль:
Плывет в ночи луны фонарь,
То снег, то дождь. И непонятно,
Что на дворе. Шумит невнятно
Промозглый, мутный ветерок.

Всю жизнь привыкли между строк
Читать и думать сообразно,
И дни летят однообразно
В туманном мареве огней,
И в царстве сумрачном теней.
Постичь пытаемся итоги...
Метель кружится. И дороги
Покрыла слякотная грязь,
И, олицетворяя связь
Меж небом и землёю, — плавно
Летит на землю снег исправно
И тает в лужах. Тишина
В пустынном мире. И луна
Плывёт над частоколом крыш.

Ветер странствий

* * *

Имея пять рублей, могу
В пролётке пыльной, антикварной
По тихим улицам Баку
Продолжить путь. И благодарный
Возница будет говорить
О том о сём... Мелькают спицы,
И будем вечно мы кружить
По улицам ночной столицы...

О, сколько здесь таится тем —
Перед богатством их немею...
А город будет между тем
Привычной жизнью жить своею.

Привычной, если не сказать,
Обычной или же банальной,
Там будет музыка звучать
Из темноты полуподвальной,

Там будут вечно торговать
И пить вино, и веселиться,
Луна из волн морских всплывать,
И солнце за море садиться.

И дураков давнишний спор
Повергнет мудреца в зевоту,
И будет этой ночью вор
Вершить привычную работу...

Уже — попробуй отличи:
Мелькают тени, люди, зданья,
Безмолвно высятся в ночи
Дворцов немые очертанья...

И стариковская рука
Невольно опускает вожжи,
И предо мной встают века,
Минуя ветхие таможни —

Забыты даты, имена,
Цари, визири — всё забыто.

И лишь немые письма
Хранят тускнеющие плиты.

О, вязь таинственная плит!
Ведь эти надписи, быть может,
Навечно камень сохранит,
Да их никто прочесть не сможет...

И как неколебимый герб,
Как символ вечного Востока
Застыл на небе лунный серп
Недосягаемо высоко...

И тихо плещется волна,
И ночь бесстрастная темна.

* * *

На первый путь
Прибудет поезд,
Который мчался издалёка,
Гремел колёсами
На стыках
И резал ночь
Ножами фар;
На первый путь

Прибудет поезд
Из самого
Владивостока,
Где осень тоже
Разжигает
Листвы мятущийся пожар.

А поезд ход
Свой замедляет,
И я подумал,
Разве стоит
Семь дней
Трястись
В пустом вагоне,
Бежать неведомо куда,
Чтоб здесь опять
Увидеть осень,
Как дождь асфальт
Усердно моет,
Как листья,
Будто бы за ветви,
Цепляются за провода.

* * *

Стучит колёсами вагон,
Такое ощущение,

Как будто говорит мне он:
«Не скоро возвращение».

Состав по рельсам мчит на юг,
Сосед мой улыбается,
Под этот развесёлый стук
Домой он возвращается.

Пожар в лесу

Поезд мчится. Мой сосед
Чай лениво допивает.
Ехать нам — не ближний свет,
И от скуки он зевает.

Дело к ночи. Спать пора.
Поплотней задёрни шторы.
Прекратим-ка до утра
Утомительные споры.

Кто-то будит... Посмотри,
Стены странно заалели,
Но далёко до зари.
Что случилось в самом деле?

Мы — к окну. А за окном
Пламя в мрачном танце пляшет.

Птица чёрная крылом
Над гнездом сожжённым машет.

А сосед мой — чем помочь? —
От окна к окну метался,
В эту сумрачную ночь
Только зрителем остался.

У тебя душа болит?
Ты зачем её тревожишь?
Поезд едет. Лес горит.
И ничем тут не поможешь...

* * *

Снова меняются роли
Жизни дневной и ночной:
Звёзд васильковое поле,
Месяц, как колос ржаной.

Где-то вдали отзвучали
Поезда сотни колес,
И на пустынном вокзале
Тихий уснул тепловоз —

В масле горячем и пыли,
Тёплый, как хлеб из печи,

Фары, погаснув, застыли,
Тускло мерцая в ночи.

Мирно полночное небо,
Сон, тишина и покой,
Пахнет пшеницей и хлебом,
Тестом и тёплой мукой.

* * *

Что мне запомнилось в Праге —
Так это колокола.
Утром, когда ещё не рассвело,
Слышался звон их,
Гулко звенели они,
Переливались звуки их,
Серебристо-хрустальные,
Словно утреннее небо,
Тёмно-зелёные,
Словно листва бульваров,
Оранжево-красные,
Как черепичные крыши после дождя.
Пражские колокола —
Музыка лета минувшего,
Странной любви,
Встречи последней с тобой

У остановки трамвая,
Где рельсы
Тускло мерцают
В неоновой мгле...

В соборе св. Витта

Туристы случайные ходят,
Смеясь, удивляясь, блажа,
И смотрят Кирилл и Мефодий
С таинственного витража.
В костёлах и кирхах столицы
Их помнят, их любят и чтят...
Строги и суровы их лица,
Тревожен их пристальный взгляд.

О Прага! Я был очарован
Величием древним твоим,
Наверно, когда-нибудь снова
Пройдусь по твоим мостовым,
Где башни и острые шпили
Восторженно тянутся ввысь,
Где архитектурные стили
Затейливо переплелись...

И всё же, и всё же доныне
Здесь, в сердце Европы, смогли

Сберечь для потомков святыни
Великой славянской земли,
Во время духовного плена
Сумели, сумели сберечь
В суровых готических стенах
Живую славянскую речь!

* * *

Остынет стакан
Золотистого чая.
Под гомон колёсный
Меня укачает.
Закрою глаза
И заснуть попытаюсь,
Но снова, но снова
Туда возвращаюсь.
Туда, где шумит
Утомлённое море,
Где парус растаял
В туманном просторе,
Где кем-то забыты
Рыбацкие сети,
Где листья уносит
Таинственный ветер
И гонит их долго,

Смеясь и куражась,
По гулкому пляжу,
Осеннему пляжу...
Где мной не дочитаны
Умные книги,
Где гулки кварталы
Готической Риги,
Где ты ускользаешь
Уже безвозвратно.
И всё это просто,
И так непонятно.
И я забываю,
Что должен кому-то.
Я счастлив безмерно,
Что хоть на минуту,
На миг озарилось
Случайной кометой
Беззвёздное небо
Минувшего лета...

* * *

Белоснежным и розовым маем
Цвет вишнёвый разбросан везде...
В Бирмингеме речные трамваи
Нас везут по зелёной воде.

Всё понятно вокруг и привычно
В суете туристических дней.
Этот город кирпично-фабричный
Стал как будто теплей и родней.

И покажется — дома плыву
По оснеженной Пряжке в Неву.

* * *

А в Лондоне под Рождество
Пылают жаркие каминьки,
И виски с пивом пьют мужчины,
Сигарой тешат естество.

Газонов майский изумруд,
Здесь в декабре цветут фиалки...
Прогулки по утрам в Гайд-парке
Пешком. По сорок пять минут.

С подарками народ спешит
Домой. А я неторопливо
Сижусь с огромной кружкой пива,
Смотрю на роскошь Regent street.

Величие и простота.
И храмов Божьих пустота.

* * *

В Лондоне, конечно, жить неплохо.
Жизнь кипит повсюду до зари.
Многоликий и весёлый Сохо
Яркие развесил фонари.

В декабре не нужен здесь и свитер,
Но, кичась величием своим,
Все помёрзли б, если бы на Питер
Развернулся сказочный Гольфстрим.

А в моём Отечестве тоскливо,
Ничего хорошего не ждём.
Только «бабки» да крутая «ксива»,
Только сумрак, только снег с дождём.

Заржавели грозные ракеты.
Продан флот. Зажарен соловей.
Но гордиться буду и балетом,
Думая о Родине своей.

Нет в душе ни боли, ни злорадства.
Не злоблюсь и мести не таю...
Помолюсь в Вестминстерском аббатстве
За Россию бедную мою.

В старой королевской обсерватории

Господь определит судьбу:
Кто — в адмиралы, кто — в поэты.
Ему — разглядывать в трубу
Чужие звёзды и планеты.

Трудился много лет подряд.
И познавал устройство мира...
И небо всё твоё, и сад,
И эта тесная квартира.

Но ни иконы, ни креста,
Ни Библии я здесь не видел...
А в целом же судьба проста:
Жизнь прожил — мухи не обидел.

Тускнеют, ослабев, глаза.
И плечи сгорбились убого...
Всю жизнь смотрел на небеса,
Да так и не увидел Бога.

Ночная прогулка по Темзе

Над Лондоном, как мотыльки,
В ночи мерцают самолёты,

Дрожат на дне ночной реки
И звёзд огни и окон соты.

Побыть хотелось одному,
Хотя бы и вдали от дома,
Но вновь я ввергнут в кутерьму
Ветхозаветного Содома.

Корабль плывёт. Дрожит бокал.
Разносят виски и закуски.
Улыбки вежливый оскал.
Речь по-английски и по-русски.

Я пью чилийское вино.
Westminster Bridge плывёт над нами,
А справа, как в цветном кино,
Огнями выхвачен Парламент.

Бурлит свинцовая вода,
И за кормою парохода
Горит последняя звезда
Во мгле пустого небосвода.

В Мирах Ликийских

Как только заполощется рассвет —
Уже кричат о чём-то муэдзины.

Здесь жили греки, а теперь их нет.
Лишь храма православного руины.

Заботливой турецкою рукой
Посажен сад. Расчищена площадка.
Вокруг царят довольство и покой
И чистота музейного порядка.

Едва заметна от пожаров гарь.
Улыбчивы и добродушны лица.
Вас проведут и в церковь, и в алтарь,
Покажут опустевшие гробницы.

Но отчего в мерцании ночей
Тревогою наполнены молитвы?
И слышится суровый звон мечей,
И не стихает гул далёкой битвы...

Луна. Песок. Собак унылый лай.
Затихло море и пуста дорога.
Молись о нас, Святитель Николай,
Проси за нас прощения у Бога.

Марокканские мотивы

Н. Добронову

Какая всё-таки морока —
Таскаться по степям Марокко!

В пустыне и по склонам гор.
Устал я. В суете дорожной
Гудит призывно и тревожно
«Тойоты» пламенный мотор.

Навстречу — пальмы, козы, лица,
И некогда остановиться,
Летя по розовой стране.
Друзья поют! Друзья в восторге!
А я, как бедный Рихард Зорге,
В чужой японской стороне.

По вечерам поют берберы.
Самозабвенно, без фанеры,
На сотни разных голосов.
А рядом — местные собаки —
Они проворней, чем макаки,
Наглей, чем сто хантейских псов.

А, может, так оно и надо?
Всю жизнь скитаться до упада,
Лететь сквозь горы и пески,
Чтобы потом в столице милой,
Взирая на родные рыла,
Не сдохнуть от тупой тоски?

Меня продует ветер странствий,
В тумане розовом пространство,

Ужели я обрёл покой?
И станет мне легко и странно,
И поплыву во мгле тумана,
Песок глотая золотой.

Дворцов заоблачные своды...
Прохладного фонтана воды...
Я выпью тихо вискарю...
И поплывут изгибы линий —
Охристо-жёлтый, красный, синий,
А всё же день прошёл не зря...

Дрожит в тумане цвета беж
Самозабвенный Марракеш!

Старая Ладога

Молчат над Волховом курганы.
Былинный ворон чертит высь.
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчёмным
Любой серьёзный разговор.

Что наши страсти и сомненья?
Пустопорожные слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.
Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

* * *

От Родины снежной и сложной
Уеду на юг отдыхать.
Гулять не спеша, осторожно
Просоленный воздух вдыхать.

Мечтал о покое. Покоя
Теперь мне хватает вполне.
Я гложу от шума прибоя
При анатолийской луне...

Но память закружит обратно,
И прошлого ветер настиг,
И снежную пылью внезапно
Окутан, застыну на миг.

* * *

Вьюги катятся с Ямала
Прямо к устью Иртыша...
Начинаю жизнь с начала,
Примеряясь, не спеша.

Суета иного мира,
Снег летит со всех сторон...
Всё казённое: квартира,
Мебель, кухня, телефон,

Лампа и комплект постельный —
По реестру бытиё.
Лишь душа да крест нательный
Всё имущество моё...

Но молюсь исправно Богу
И бреду сквозь непогодь.
Основательно в дорогу
Снарядил меня Господь...

* * *

Иная жизнь, иные сны,
Иные разговоры.

Мерцают в отблесках луны
Бескрайние просторы.

Судьба поспешна и строга,
Поспорит с ней не всякий...
Заснеженные берега
Растаяли во мраке...

Застыла в сумерках луна,
Уняв твою тревогу...
К другому виду из окна
Привыкнешь понемногу.

* * *

Покуда хватало здоровья и сил,
По белому свету взахлёб колесил:
И страны мелькали и люди,
И — верилось — всё ещё будет.
Блистали светила, шумел океан,
И дальние дали полуночных стран
Манили загадочным светом.
Но — хватит. Довольно об этом.

А нынче по жизни иду не спеша,
Вселенским покоем объята душа.

И в царстве осенней природы
Живу ощущеньем свободы.
Не знаю последних мирских новостей,
Не жду ни друзей, ни случайных гостей,
И даже приметы любимой
Растаяли в дымке незримой.

А нынче объяла меня тишина.
Мерцает звезда. И сияет луна,
Небес бесконечных свеченье,
Листвы полуночной движенье.
Ни жизни, ни смерти теперь не боюсь,
Всевышнему тихо и скорбно молюсь.
Прощенья прошу и спасенья.
И верю в свое воскрешенье.

Поездка

Забутые привычки
Припомнить я хочу,
На старой электричке
В деревню полечу.

Вхожу в мой поезд дачный,
Сметаю с лавки сор,
Вдыхаю дым табачный,
Вникаю в разговор.

И ранний день весенний
Приветствует меня.
За окнами — сирени,
За окнами — поля,

Промчится поезд встречный,
Листва замрёт шурша,
На станции конечной
Сойду я не спеша.

И выведет тропинка
Меня к лесной реке,
И дрогнет паутинка
На тёплом ветерке,

Текут речные воды
Неведомо куда,
Бессмертие природы
Пугает иногда.

Омою влагой руки,
Неслышно помолюсь,
Ни смерти, ни разлуки
Сегодня не боюсь.

Пусть наша жизнь конечна,
Но, долгий путь верша,

Я верю — будет вечна
Бессмертная душа.

Густеет мрак вселенский,
Но синь слепит глаза,
Над храмом деревенским
Отверсты небеса.

Стрижи летают низко
Над тихой водой,
И слышно — где-то близко
Грохочет поезд мой.

В пути настигнет вечер,
Качает мой вагон,
Огни летят навстречу,
Дорога, лес, перрон...

Пусть смертью и могилой
Грозит земной итог,
Продли мне дни и силы,
Господь, ещё чуток, —

Чтоб помнил я, счастливый,
Вновь обретя покой,
О чём шептали ивы
Над утренней рекой.

Печальный лик родной природы

Тургенев на водах

Как мил и тих курортный город,
Какой покой и тишина.
А на душе — какой-то холод,
Не то печаль, не то вина...

Недуг сердечный. Не телесный.
И тут бессильны доктора...
Мерцает тускло свод небесный
Над храмом Павла и Петра,

И там, в бездонном синем небе
Плывут, курлычут журавли...
И пахнет поздним тёплым хлебом
Давно покинутой земли...

Мой Бог! Помогут разве воды,
Когда встаёт из забвения
Печальный лик родной природы
И смысл загадочный ея?..

Лесное озеро

Войду, как в храм, в сквозящий березняк.
Уже светает. Предрассветный мрак
Стремится ввысь, светлея, исчезает.
Туман прозрачный, истончаясь, тает.
И золотые блески там и тут,
И светится листовяный изумруд.
Ещё не слышны птичьи голоса.
Вот озеро, в котором небеса
Отобразились. Я склонюсь к воде
И не увижу своего лица...

Дорога

Дорога, ведущая в гору,
Порою в ущелье петляет,
Спускается вниз по склону,
Тропинкой становится узкой
Дорога, ведущая в гору...

Но тот, кто идёт по дороге,
В ущелье петляя,
Спускаясь
По скользкому склону тропинкой,
Пусть помнит о том,
Что вершина сверкает снегами:
То ярко —
В лучах ослепительных солнца,
То тускло —
В полудночном свете
Высокой и полной луны.

* * *

После ливней зеленеют склоны
И уступы каменистых гор.
Стало ослепительно зелёным
Всё, что серым было до сих пор.

Вдоль ущелья тянется дорога,
Всё прозрачней утренняя мгла.
Людам тоже надобно немного
Доброты, надежды и тепла.

* * *

Туман лежит на дне долины.
Взошла тяжёлая луна.
Застыли горные вершины
Во власти тягостного сна.

Былые, грозные века...
Они теперь им только снятся...
На них не сходят облака,
На них снега не серебрятся...

Но, как остатки прежней славы,
На солнцем выжженной земле
Застыли волны пенной лавы,
Мерцая в сумеречной мгле...

* * *

Посмотришь вниз с крутой вершины —
Плывут лениво облака.
Внизу раскинулись долины
И потускневшие луга.

Там дымкой зной струится плавно,
Там в зыбком мареве простор,

Там в жёлтой пелене тумана
Застыли силуэты гор...

Но, высотой небес влекомый,
Забуду про пейзаж земной:
Иное чувство невесомо
Отныне управляет мной.

Здесь, на вершине, горный ветер
Высокомерен и сердит,
Кружась один на белом свете,
Любую душу охладит.

Пруд

Дней суетливых череда
Сплелась цепочкой длиною,
Жизнь застоялась, как вода
В пруду, заросшем тиною.

Кусты ракиты там и тут
Листвой шуршат украдкой,
Ничто не потревожит пруд,
Его поверхность гладкую.

Друзья уснули и враги.
Кругом покой немеющий...

Брось камень — не пойдут круги
По глади зеленеющей.

Храни тоску. Цени покой
И верь лишь в настоящее,
И мни сквозь сон себя рекой,
К морским волнам спешащую.

После засухи

Обмелел от жары водоём —
Обнажилось песчаное дно.
Тянет остро созревшим гнильём.
Всё живое пожухло давно.

Только чёрная грязь да песок.
Только вязкая глина да ил.
А недавно в тех водах, высок,
Светлый месяц державно светил.

И плескалась в затоне вода,
И сверкала ночная звезда...

* * *

Где-то спят большие города,
Пишутся стратегии и планы...

Остывает по ночам вода,
Тают предрассветные туманы.

Маяка остынет уголёк,
И засуетятся чайки скоро,
И ворчит усталый дизелёк,
Затерявшись в ладожских просторах.

И гудят чуть слышно провода,
И небес светлеет покрывало,
И дрожит последняя звезда
В тихой ряби старого канала.

С ярмарки

Еду с ярмарки домой.
Утро. Иней серебрится.
След, оставленный луной,
В небе сумрачном дымится.

Скоро утро. А пока
Спит небесное светило.
Кучевые облака
Надо мной плывут уныло.

Скоро в гулкой тишине
Звёзд ночных растают льдинки,

В предрассветной тишине
Слышно, как звенят снежинки,

На ладонях тают и
Каплей падают на травы.
Две глубоких колеи.
Буераки да канавы,

Избы. Церковь без креста.
Ожиданье зимней стужи,
Голь да удаль. Нищета,
Всё как прежде — даже хуже.

Хищно щерится овраг,
Здесь не встретишь человека,
Здесь — ни кошек, ни собак,
Вот и все итоги века.

До листка обобран лес,
Вороньё — и то пропало.
Вот и всё и весь прогресс —
Все концы и все начала.

Едем молча. Не спеша.
Мимо были. Мимо сказки.
И тревожится душа
В ожидании развязки.

Можжевеловая роща

Не выходит всё же жить попроще,
Но на день — отрину бытиё.
Здравствуй, можжевеловая роща,
Светлое пристанище моё.

Высоки над Ладогой закаты,
Чайки полыхают на лету,
И стоят деревья, как солдаты,
Охраняя эту красоту.

Птицы беспокойные умолкли,
Я иду легко, травы не мну,
Глажу изумрудные иголки
И боюсь нарушить тишину.

Вечер, как дождём промыт, прозрачен,
Профильтрован он сквозь изумруд,
Но смотрю — под будущие дачи
Колышки забиты там и тут.

Завтра здесь нагромоздят заборы,
Вот уже проведена межа:
Делят Богом данные просторы,
Режут мою рощу без ножа.

Дом воткнут. Насадят огороды,
Сотворят казарменный уют
И творенье дивное природы
За полгода насмерть изведут.

И погаснут дивные закаты,
И охватит мир глухая мгла,
И согнутся стройные солдаты,
Проржавев, осыплется игла...

Красота спасёт — чего уж проще,
Но молю, чтоб милосердный Бог
Эту можжевеловую рощу
От людей безумных уберёт.

Устье

Я смотрю с какой-то тайной грустью
На простор зелёно-голубой,
Что ж, река всегда стремится к устью,
Чтоб расстаться с самой собой.

На курган взойду спеша и скоро,
Станет мне иная даль видна —
Растворится в ладожских просторах
Волховская бурная волна.

Так и мы во всех своих стремленьях
Знаем свой итог наверняка —
К устью катит дни без сожаленья
Жизни нашей бурная река.

И добро бы бурным стать потоком —
Океаном, озером, а то
Прорасти болотную осокой,
Превратясь неведомо во что.

Сколько благодати в человеке
Заложил всемилостивый Бог —
Посмотри — меняют русла реки,
Ну и ты, конечно, стать бы смог —

Океаном, озером, теченьем
Полноводной, царственной реки —
Но подвластны суетным влеченьям
Нашей скудной жизни ручейки.

Мелкие интриги, слухи, враки,
Суета в стремлениях — и вот
Исчезаем в безысходном мраке
Ничего не значащих болот.

Дует ветер с ладожских просторов,
Гомон птиц в желтеющих лесах,

Купола зелёные соборов
Отразились в синих небесах.

Я смотрю с какой-то тайной грустью
На простор зелёно-голубой...

Что ж, река всегда стремится к устью,
Чтоб расстаться с самоё собой.

И уходят так неумолимо
Дни беспечной юности моей...

* * *

В. Наумову

За окном — всё крыши, крыши, крыши,
А вдали — горит в закате сад.
Слышишь этот шорох тихий, слышишь?
Это листья жёлтые летят.

Пролетают мимо, мимо, мимо,
Как листки моих календарей,
И уходят так неумолимо
Дни беспечной юности моей.

Что мне это лето, лето, лето,
Скоро ляжет мягко первый снег.

Жизнь, не мною начатая где-то,
Продолжает свой прекрасный бег.

* * *

Деревья седеют, как люди,
Ах, ветер их лето унёс,
И стали вдруг жёлтыми кудри
Взлохмаченных ночью берёз.

Забудутся скоро морозы,
Мазурку сыграет капель,
Зелёные кудри берёзы
Со смехом расчешет апрель,

И всё повторится по кругу,
Движенью не будет конца,
А вот поседевшему другу
Стереть ли морщины с лица?

* * *

Забыться сном тяжёлым на рассвете.
Очнуться вдруг
И с горечью понять,
Что ничего нет вечного на свете,

Что всё пройдёт
И жали не унять
За всё, что было,
Да прошло напрасно,
За всё, что быть могло,
Да не сбылось...
Светает осторожно,
И неясно,
Чего сегодня ночью не спалось...
Над крышами
Болезненно и бледно
Мерцает
Одинокая заря...
В душе твоей
Не канет день бесследно,
Пусть даже если
Был он прожит зря...

* * *

Над Ригой притихшей осенние дуют ветра,
Доносится рокот прибоя и крик журавлиный.
Над шпилем высоким собора святого Петра
Летят облака, задевая за хвост петушиный.

Уже тяжелеют пунцовые кисти рябин,
Темнеют реки беспокойной свинцовые воды.

140 Я с городом вечным остался один на один,
Висят надо мною тяжёлые влажные своды...

Я жил, не боясь расставаний, злословий, измен.
Я жил без любви и без денег, не веря в приметы.
Но, видимо, нынче настала пора перемен —
Не так, как обычно, кончается тихое лето.

Не так, как обычно, кричат в вышине журавли
И ветер листает распахнутой книги страницы.
Не так, как обычно, прощаясь, гудят корабли,
И слишком тревожны прохожих печальные лица.

У каждого в жизни бывает такой же вот час,
Когда, отрешившись от всякой привычной мороки,
Ты вдруг понимаешь, что кем-то когда-то для нас
Отмерены жёсткие, очень короткие сроки.

Что начат давно этот долгий безжалостный счёт,
Что всё минуло, минуло уже безвозвратно.
Как сто лет назад Даугава к заливу течёт,
И кто бы сумел повернуть эти воды обратно.

* * *

Поэт воспитан был войной,
Суровым ротным старшиной,

Он честен был и смел.
Он первые стихи слагал
В окопах. И в стихах не лгал,
Поскольку не умел.

А если он и был не прав,
Не хватит совести и прав
У нас его судить.
Он никогда не клял судьбу.
А вот теперь — лежит в гробу,
А нам с тобою — жить...

Не мельтеши, не суетись.
Ты лучше у него учись,
У совести его.
Своей судьбой строку измерь,
Есть жизнь и смерть.
Есть жизнь и смерть,
А больше — ничего...

Давным-давно понять пора,
Что жизнь — не праздник, не игра,
Не пёстрый маскарад,
Что мы не зрители в кино,
Что юность кончилась давно,
Что нет пути назад.

Снегопад

Снег падает.
Мерцанье фонарей
С сиянием лунным неразрывно слито.
Струится воздух к мрачным небесам.
Во всём искать
Какой-то тайный смысл
Не только бесполезно, но и глупо.
И стоит ли об этом говорить?
Год вычеркнут из жизни, как строка
Из неудачного стихотворенья.
И стоит ли об этом сожалеть?
Нет радости и горя,
Только снег
Летит, кружась в неоновом тумане,
В морозной мгле застывших фонарей...

* * *

Стремишься истину найти,
Во всём становишься мудрее.
А время после тридцати
Летит быстрее и быстрее...

Всё тяжелей твоя рука,
Мгновенья сердцем ощущаешь,

А годы после сорока
Уже совсем не замечаешь.

Узреешь высших истин тлен,
Когда не будет сил подняться...
Чтоб выжить в вихре перемен,
Ни в чем не надо изменяться.

* * *

Свадьбы. Дни рождения. Крестины...
Так привычно начинался путь.
Нынче лишь одни сороковины
Не давали мне передохнуть.

У часовни новой на кладбище
Сколько раз за этот год стою.
Провожая тихо, словно нищий,
Скорбным взглядом молодость свою.

Вот друзьям моим приходят сроки.
День грядущий не видать во мгле.
Годы скуки, склоки и мороки
Клонят ниже к матушке-Земле.

Всё смешалось — счастье и невзгоды,
За туманной гранью бытия

В зеркале изменчивой природы
Сам себя узнаю вряд ли я...

Дни мои продли, Господь, на свете,
Сохрани, прошу, от долгих мук,
Дай увидеть, как родные дети
Заново начнут извечный круг,

Чтобы, осень жизни принимая,
Гроздь рябины жадно сжав в горсти,
Журавлей последних провожая,
Мне покой и веру обрести...

* * *

Ну, вот и закончилось лето,
Кометой сверкнув в небесах,
И осени близкой приметы
Заметны в полях и в лесах.

Туманятся крупные росы,
И травы приникли к земле,
И светятся тускло берёзы
В холодной сиреневой мгле.

В преддверии скорой разлуки
Сомненья и страхи легки.

Я без сожаленья и скуки
Приемлю течение реки.

И песня моя отзвучала,
В цветах отгудела пчела,
И лодка моя от причала
Неслышно отчалила...

* * *

Е. Бочкарёву

Чайки белокрылые кричали,
У детей хватали хлеб из рук.
Пароход, как молодость, отчалил
От причала будущих разлук.

Над кормою встрепелулись флаги,
За волной волна пошла легка,
Словно из обёрточной бумаги
На ветру трепещут облака.

Гул вокзала глуше, еле слышен,
Солнце тихо катится в зенит,
Мне никто сегодня не напишет
И никто уже не позвонит.

Никому теперь уже не нужен
Для преодоления рубежей.

Пусть теперь тоска меня закружит
Деревянным кружевом Кижей.

Буду водку с другом пить в бужете,
Буду слушать, как шумит вода,
Веря, что на этом белом свете
Не был я счастливей никогда.

* * *

Я не уеду никуда —
Останусь дома,
Где светит поздняя звезда,
Где всё знакомо,

Мой край озёрный и речной
Угомонился,
И, остывая, дым печной
С туманом слился,

В деревне каждый дом уснул,
Никто не слышит,
Как дождь ночной слегка плеснул
По чёрным крышам,

Во мгле фундаментальных лип
Мелькнуло платье,

Уключин осторожный скрип,
Слова, объятья...

В сиянье лунном даль видна
Речной излуки,
И шепчет сонная волна
Слова разлуки.

Смотрю на даль осенних вод
На том причале,
Где мой последний пароход
Давно отчалил.

Последний пароход

Лето на излёте, на исходе,
Жёлтый лист и красный — тут и там,
Еду на последнем пароходе
По давно уже родным местам.

Ярче небо — но темнее воды,
Стал мудрей — не стало легче жить,
Дал Господь здоровья от природы —
Но реки уже не переплыть.

Но какая мне досталась осень!
Я не ощущаю рубежа!

Вьётся флаг на мачте — что есть мочи,
И волна кипящая свежа,

Растворились дали за излучкой,
Обретаю царственный покой,
И гудок последний — на разлуку —
Поплывёт над утренней рекой.

Ничего нет вечного в природе,
Пусть зима маячит вдалеке...
Еду на последнем пароходе
По осенней утренней реке.

* * *

Прощаюсь с морошковым летом,
Встречаю осенние дни.
На том берегу и на этом
В тумане мерцают огни.

Волна мою лодку качает,
И стелется тусклый туман,
Река, не спеша, остывает,
Дорогу верша в океан.

Не рано ли мне, в самом деле,
О прошлом далёком тужить,

Когда ещё будут метели
О скорбной судьбе ворожить?

Отмерено всё у природы,
Ещё далеко до беды,
Когда беспросветные воды
Скуют эти чёрные льды?

Ночных огоньков перекличка,
Беззвёздного неба простор,
Погаснет последняя спичка,
Но вспыхнет последний костёр.

* * *

Дни нашей жизни коротки.
А ночи? Ночи бесконечны.
Туман над берегом реки,
А в небе — путь блистает млечный.

А в небе — полная луна.
Молчит листва. Собака дремлет.
Покой вокруг. И тишина
Насквозь пронизывает землю.

Склонюсь к воде — волна легка.
Звезда в руках засеребрится,

И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится.

* * *

Жизнь уходит понемногу.
День прошёл — и Слава Богу,
Как вода в реке.
Наши чувства, наши думы,
Словно след волны угрюмой
На речном песке.

Грузим душу, чем попало.
Очерствела и устала
Бедная душа.
Может быть, остановиться,
Осмотреться, помолиться
Тихо, не спеша?..

Молим Бога об удаче.
О достатке. А иначе
Что ещё просить?
А душа? Душа в сомненье,
Ведь пора бы о спасенье
Слёзно голосить!

С Богом и легко, и просто!
Лодка. Церковь у погоста.

Темная река.
Чайки кружат над водою,
И с тревогою немою
Мчатся облака.

* * *

И так уж немало отмерил Господь —
С лихвой одарил белобрысую воду.
Ну может ещё и добавит чуть-чуть,
Порадуя голубоглазую чужд, —
Бескрайнего озера зыбкую гладь,
Соснового леса зелёную стать,
Да синь бесконечных прозрачных небес,
Где в облаке сокол парящий исчез.
Смотри в ослепительно-белую высь
И радуйся жизни,
И Богу молись.

Вдохновение

Вдохновение

Шум на кухне — звон посуды,
Где-то прогремел трамвай,
Бабы суды-пересуды
За окном — хоть закрывай!
Боже мой! Нельзя ли тише?
Как работать? Как писать?
Кто там бежит по крыше?!
Прекратите грохотать!
Что за дьявольское лето!
Шум и крики за окном,
И лишь в полночь, до рассвета,
Затихает старый дом.
Я вздыхаю облегчённо —
В этой чуткой тишине

Поработать увлечённо
Помешают вряд ли мне.
Ерунды писать не буду!
Ночь застыла за окном...
Я пишу про звон посуды,
Про трамвай, про старый дом...

* * *

Струится дымкой горизонт
За ладожским простором,
Кольшет ветер пляжный зонт
Над шиферным забором.

Мы в бане паримся с утра,
Но пар костей не ломит.
Мы водку пьём. Июль. Жара.
Нас в сон полдневный клонит.

Сегодня некуда спешить,
И завтра, впрочем, тоже.
О как прекрасно просто жить
На этом свете Божьем.

И наблюдать, как от земли
Струится зной устало,

Как проплывают корабли
Вдоль берега канала.

* * *

Говорите, пожалуйста, тише —
Наступает торжественный час,
И луна, опускаясь за крыши,
С удивлением смотрит на нас.

Как мучительно долго светает,
Но прозрачней становится мгла,
И, уже задымив, угасают
Фонари от угла до угла.

Розовеют покатые крыши,
Вот заплачу от счастья сейчас...
Говорите, пожалуйста, тише,
Всё равно я не слушаю вас.

* * *

Не витийствуй, не пророчь,
Не тверди, что всё понятно.
Вслушайся, как шепчет ночь
Осторожно и невнятно.

И попробуй разбери
Хоть единственное слово —
Только вспыхнут фонари,
Тут же вдруг погаснут снова.

Беспорядочных огней
Бестолковое мерцанье.
Меркнут блики фонарей,
Тише ночи трепетанье.

Спорим, спорим дотемна,
Что есть главное в искусстве:
Может, поиски ума,
Или, как там, пламень чувства?

Я наслушался сполна
Про забвение и славу.
Светит полная луна,
Круглолица и лукава.

И дрожащий лунный след
На столе засеребрится.
Озаряет ровный свет,
Озаряет равный свет
Наши молодые лица...

* * *

Был Фет евреем или немцем,
Стоит разве спор вести о том?
Он был русским и умом, и сердцем.
Вот и всё. А обо всём другом
Стоит ли твердить, писать трактаты,
Вспоминать давнишние грехи?..
Я забуду времена и даты,
Я читаю старые стихи...
И летят куда-то мимо, мимо
Попусту потраченные дни,
И горят во тьме неугасимо
Вечные вечерние огни,
И лазурь такая с неба льётся,
Что застыну, грешный, не дыша,
И внезапно чутко встрепенётся
До сих пор дремавшая душа...

* * *

Мой стих уныл, как зимняя дорога.
Спокоен, как ноябрьская река,
Где остывают воды понемногу,
Где плёнка льда туманится слегка.
И птиц уже давно не слышны крики,

Во всём полночном мире — ни души.
Луна мерцает. Тускло дрогнут блики,
И зазвонят ночные камыши.
И если время есть остановиться —
Остановись — и ты увидишь сам,
Как над землёй прозрачный свет струится,
Возносится к высоким небесам.

* * *

Как хорошо, что я один.
Что ночь кругом. Что мне не спится.
Что через кружево гардин
Зелёный лунный свет струится.

Ударил мотылёк в стекло.
И почему-то, сам не знаю,
О наших встречах так светло,
Без прежней боли вспоминаю.

А в небе — Дева и Весы.
И пёс, уснув, тревожно дышит.
И на весь мир стучат часы,
Да только их никто не слышит.

Баллада о скрипке

Смотрю, как мальчишка со скрипкой,
Сутулясь, идёт впереди,
С какой-то счастливой улыбкой
Футляр прижимая к груди.

Кто — джинсы, кто — пиво, кто — лыжи.
А кто-то — совсем ничего.
Ему же лишь музыка ближе
И, может, нужнее всего.

И, может быть, необходимо,
Чтоб кто-то, про всё позабыв,
Наигрывал неуловимый,
Ещё не окрепший мотив,

Чтоб тайная музыка зрела,
Отринув мятущийся страх...
Чтоб скрипка звучала, звенела
В ещё не окрепших руках.

* * *

Пусть на дворе ещё зима,
В моем краю привычно это.

Морозы. Снега кутерьма.
А ночью — ночью снится лето.

Жара. Спасительная тень
Не шелохнётся надо мною,
Уже подряд который день
Я упиваюсь тишиною.

Уже который день подряд
Не слышу глупых разговоров.
Наполнен яблоневый сад
Дыханьем ладожских просторов.

И ты, как будто наяву,
Опять ко мне с крыльца спустилась...
Упало яблоко в траву
И покатилося...

* * *

Избавленный от мелочных забот,
Он пребывал в безволии и неге.
Стоял июль. А он мечтал о снеге
И о сугробах вьюжных у ворот.

Под сенью сосен плавилась жара.
Густели небеса остекленело.

Он жарко баню истопил с утра
И парился, покуда не стемнело.

Уголья тускло плавилась в ночи.
Томясь, как переполненные соты,
И было слышно в сумрачной ночи,
Как пролетают в небе самолёты.

Чуть слышен гул. И вот пропал уже.
И лишь сомненье смутное осталось.
И так спокойно было на душе,
Как будто жизнь ещё не начиналась.

Друзей услышу голоса

* * *

Три друга было у меня,
Надолго мы расстались,
Но, неразлучные друзья,
Опять мы повстречались.

Один хотел казаться хуже,
Он больше, чем другие, пил
И о своей душевной стуже
Едва не плача говорил.

Второй солиден стал на вид,
Как во дворце лепной карниз,
Хоть рядом за столом сидит,
На всех он смотрит сверху вниз.

Лишь третий, к радости моей,
Остался также неизменен —
В обыкновенности своей
Был просто необыкновенен.

* * *

А знаешь что, Серёжа,
Мы оба были правы,
Ну, может, вспомнишь всё же
Ту ночь у переправы,

И тот паром нескорый,
И старенький вокзал,
И поезд, на который
Ты чуть не опоздал...

Забыл? Да быть не может!
Последний разговор...
Ты первый же, Серёжа,
Тогда затеял спор!

Плечами пожимает,
Смеётся мне в ответ,
И головой качает —
Прошло ведь столько лет!

Как будто летом — иней
На хрупкие цветы...
Нет ничего обидней
Забытой правоты.

* * *

Ни на кого не обижаясь,
Не презирая никого,
Я постепенно приближаюсь
К порогу счастья своего.

Кому-то в сотый раз поверив,
Кого-то в сотый раз простив,
Я открываю тихо двери,
О разрешеньи не спросив,

А за дверями, как и прежде,
Друзей услышу голоса,
И корабли моей надежды
Поднимут снова паруса,

И чайки кружатся в тумане,
Который тает, словно дым,
И я не верю, что обманут
Воображением своим...

* * *

Привели к нам в класс мальчишку,
И он всех нас удивил:
Африку знал не по книжкам,
Сам три года в ней прожил.

Он, смотря подолгу в небо,
Как-то радостно вздыхал...
И кусок ржаного хлеба
Вечно в пиджаке таскал...

Встреча

Судьба испытывает дважды,
И дважды ты ответ давал.
В Париже Вяземский однажды
Был зван на некий важный бал.

Сообразуясь с политесом,
Стоял, как маршал, на плацу...
И вдруг, о Господи, с Дантесом
Столкнулся он лицом к лицу.

Под сводами блистали свечи.
Дробился в хрустале огонь.

Дантес обрадовался встрече
И князю протянул ладонь.

О чём подумал князь — не знаю.
Быть может, стал припоминать,
Как бедный Пушкин, умирая,
Шептал-просил морошки дать.

А за окном — дождливый вечер,
Парижских улиц мерный гул...
И Пётр Андреевич навстречу,
Помедля, руку протянул.

А пары в танце мимо, мимо...
Бокалов пенных гулкий звон...
Не так уж труднообъяснима
Распавшаяся связь времён.

Мы духом вознеслись в победах,
Окрепли в горе и любви,
Но некого винить нам в бедах
И в смутах русских, и в крови...

Да, мы обречены на муку,
Нас презирают все вокруг —
Ведь твоего убийцы руку
Смущённо жмёт твой старый друг.

Во тьме пропал товарищ мой,
Растаял без следа.
Его покрыла с головой
Неверия вода.

И прав во всём, он жил как жил,
Вгрызаясь в бытиё,
Не ведая того, свершил
Предательство своё.

Не осуждаю. Не ищу
Ни следствий, ни причин.
А просто искренне грущу
О дружбе двух мужчин.

О городе, где был рожден,
О юности былой,
О днях, чей след был заметён
Полярной вьюгой злой.

Душа тепла не сохранит,
Но и не вспомнит зла...
И пусть Господь его простит
За все его дела.

* * *

Метёт по всей округе,
Во мгле морозной дали.
Куда вы делись, други?
Куда вы все пропали?

Метель тоску остудит.
Зима — белым-бела...
Поговорят — забудут,
У всех свои дела.

А за стеклом оконным
Темнеют дали...
Назавтра и не вспомнят,
Как звали...

Нашей памяти долгий свет

* * *

Нашей памяти долгий свет —
Как единственное наследство,
Как от поступи прошлых лет,
Никуда от неё не деться...

Всё вместила моя душа
Без остатка и без возврата,
Чередуются не спеша
Времена, события, даты...

За морозным синим окном
Занялась, замела пороша.
С каждым часом и с каждым днём
Тяжелей, непосильней ноша...

Замечается ночь пургой,
И луна, потемнев, ослепла...
И кружатся во тьме глухой
Хлопья снега и хлопья пепла.

Вечер воспоминаний

Чего только не помнил он
И всё бы мог нам рассказать,
Но только вот один пижон
Не уставал перебивать:

— Об этом, дорогой, потом...
Ну что ж, ей-богу, вы опять?
Вы вспоминаете о том,
О чём не стоит вспоминать...

* * *

Мы помним тех, кого забыть должны,
Похоронив под ворохом печали,
Но в глупые, несбыточные сны
Они входить ещё не перестали.

Вороны не боятся ноября,
А журавли курлычут: «Улетаем...»

Мы помним тех, кого забыть пора,
Кого же помнить надо — забываем...

* * *

А мёртвым, знаешь, всё равно,
Что мрамор, что гранит,
И поминальное вино
Их души не бодрит.

А мёртвым, знаешь, всё равно,
Теперь им наплевать
На телевизор и кино,
На книги и печать...

Хоть каркай ворон, хоть молчи,
Но лишь себя не тешь —
В огромном небе, среди ночи,
Не зазияет брешь.

Ведь память до тех пор жива,
Покуда жив народ,
Пока народная молва
В людских сердцах живёт.

За часом час, и день проходит.
И по ночам — зловеще, грозно
Трава беспамятства восходит.
Луна тускнеет. Меркнут звёзды.

Нам всем отмерено два срока.
Не снизойти с небес на землю.
Без сожаленья и упрёка
Любую участь я приемлю.

Что предстоит — наверно, знаю,
Надежда — вот моё сомненье,
Траве беспамятства внимаю,
Заворожён её движеньем.

Луна тускнеет. Меркнут звёзды.
За часом час, и жизнь проходит.
И по ночам — зловеще, грозно
Трава беспамятства восходит.

Баллада о старой пластинке

Пластинке заигранной было,
Наверное, лет тридцать пять,

И было ей грустно, уныло
Средь ярких конвертов лежать.

Когда-то и ей не давали
Ни дня отдохнуть в тишине,
И хором, смеясь, подпевали
Той песне о прошлой весне.

Давно уже умерли люди,
Что первыми въехали в дом,
Не знали, что внуки их будут
Смеяться и петь о другом...

А нынче хозяин устало
Копался в серванте, как вдруг
Со звоном пластинка упала,
Скользнувши из дрогнувших рук.

И жалобно так зазвенела
У новой беды на краю,
Как будто, сердешная, пела
Последнюю песню свою...

Перед рассветом

Вот не думал, что жизнь забросит меня
В те края, где был дедовский дом...

Притулившись к берёзе,
Сижу у огня.
Ночь.
Спокойно и тихо кругом.

Жаль, что не был ни разу
На отчей земле.
Надо мною в глубинах небес
Необжитые звёзды
Мерцают во мгле,
Озаряя загадочно лес.

Нас манила Вселенная.
Тайны её
Мы стремились постичь, разгадать,
А Земля?
Мы забыли совсем про неё,
Разучились её понимать...

Сохранить бы и земли, и воды её,
Всё, что раньше не уберегли,
Чтоб земля не теряла обличье своё,
Чтобы мы не теряли земли.
Чтобы помнили всё, что забыто подчас, —
И преданья родной старины,
И степенной старухи
Печальный рассказ
О сынах, не пришедших с войны.

Чтобы всё отразилось
В глубинах души —
Опрокинутый купол небес,
Городок, что затерян в российской глуши,
И шумящий загадочно лес...

Чтоб ничто не истлело,
Чтобы память жила,
Чтобы крепла в мятежной душе...
Всё прозрачней становится
Серая мгла,
Понемногу светлеет уже,

И ночные светила,
Тускнея, дрожат,
Отражаясь в озёрной воде...
И тяжёлые росы
На травах лежат,
В каждой капле росы —
По звезде.

* * *

Нелегко быть с эпохой на «ты».
В наше время намного труднее.
Вдруг замру у тревожной черты,
У заросшей травой траншеи...

В небесах над моей головой
Облака проплывают, беспечны,
Зарастают траншеи травой,
Но, как шрамы, останутся вечны,

Но, как старые раны, болит
Наша память, и если взглядеться,
Лист осиновый кровью облит,
И куда нам от этого деться...

* * *

Привычный путь до отчего порога.
Сложилось так, не знаю почему,
Куда бы ни вела меня дорога,
Я возвращался к дому своему.
К той улице привычной и обычной,
Где тополя чуть слышно шелестят,
Где пьяницы печальные привычно
С утра за пивом в очередь стоят.
И где ветхозаветные старухи
Судачат вечерами под окном,
И где стучит назойливо и глухо
По радио бесстрастный метроном.
Где всё уже давным-давно известно,
Где всё уже исчерпано до дна,

Где слышится одна и та же песня
Из каждого раскрытого окна.
Где в полутьме устало, неизбежно
Опять гремят ночные поезда,
Где светит, как последняя надежда,
Моя неугасимая звезда.

* * *

Кружатся звёздные миры,
Мелькают годы, судьбы, лица...
Вот и дожил до той поры,
Когда пора остановиться.
Пройтись по парку не спешаё
И посмотреть вокруг несмело,
И вдруг почувствовать — душа
Ещё совсем не онемела.
И начинать, как прежде, жить —
Без усталости и без печали,
И в памяти восстановить
Давно забытые детали.

* * *

А вспомнишь — на память приходят не даты,
А то, что ты видел и слышал когда-то,

И как ни печально — но надо смириться —
Забудутся речи, события, лица...
И памятны только и будут — детали, —
Над крышами заиндевевшие дали,
Проспект — без парадного, летнего лоска,
Трамвай, машины, толпа у киоска,
Газета с итогами матчей в субботу,
Никто не спешит, не бежит на работу,
Цветы почернели в бетонных вазонах,
Толкутся вороны на белых газонах,
Когда это было — не всё ли равно,
В таком-то столетье, в каком-то кино
Скамейка, кирпичный некрашенный дом.
И тополь зелёный в снегу голубом.

И встретишься с единственной судьбою

* * *

Смурная выюга злится,
Мрачнеет небосвод,
Разлука наша длится
Уже который год.

Зима во всей округе —
Ни лета, ни весны,
Позаметали выюги
Немые наши сны.

Но всё, что было с нами,
Пытаемся сберечь,
Соединяет память
Обрывки наших встреч,

Слова, события, взгляды,
Крик птицы, всплеск волны,
Движенье автострады,
Мерцание луны,

Смятенье разговоров,
Смешение примет,
В заснеженных просторах
Звезды высокий свет.

Не требуй доли лучшей,
Бреди сквозь непогодь,
Уж раз такую участь
Определил Господь,

И в этот хмурый вечер
Былые вспомни сны,
Моли о скорой встрече
В преддверии весны.

* * *

Закружило, запуржило,
Замело вокруг дома.
Что меня ты разлюбила,
Ты сказала мне сама.

Я с тоскою вспоминаю
Алых губ твоих изгиб,
Что мне делать — я не знаю.
Что мне делать — я погиб.

Но в душе — гоню тревогу:
Есть надежда у меня.
Помолюсь исправно Богу
И пойду седлать коня.

Там, за полем, там, за лесом,
В тишине глухих дорог
Огоньком звезды белёсой
Замерцает хуторок.

Там пылает жарко печка,
Там не убран снег с крыльца,
Там ещё одно сердечко
Поджидает молодца!

Запоёт душа другое,
Слёзы стынут на бегу,
До звезды достать рукою
Я, наверное, смогу...

* * *

Прощаясь наспех, навсегда
В столпотворении разлук,
Ты не забудешь никогда
Её по-детски тонких рук.

Пройдёт печальная пора.
Ты будешь жить и не тужить,
Но будут жёлтые ветра,
Как листья, память ворошить.

Конечно, вечность — это вздор.
Ты прав, конечно, всё пройдёт.
Но всё же, где горел костёр, —
Трава годами не растёт...

Романс

Не мог уснуть. И десять раз
До ста считал уже.
В дождливый час,
В полночный час
Тревожно на душе.

И я не знаю — что к чему,
Не знаю, что со мной.

Наверно, дождь виной всему,
Да, он всему виной.

Вот дождь по крышам прошуршал,
Порывом ветра смят,
Вот осторожно пробежал
Через озябший сад...

Ночные улицы тихи,
И за окном темно.
Пусть смоеет дождь мои грехи
С твоими заодно.

Баллада о буксире

Капитан буксира «Смелый»
Встанет поутру чуть свет,
В кухне зажигает свет,
Варит кофе неумело.
Трубку выкурит устало,
Выбьет пепел где попало,
Выйдет. Улица темна.
От него ушла жена,
Не сказав ему ни слова,
Говорят, нашла другого.

Он обижен на весь мир.
Капитана ждёт буксир.
Капитана ждёт команда —
Капитан, иди, командуй.
Капитан идёт.
Молча он поднялся в рубку,
Закурил привычно трубку
И чего-то ждёт...

На душе его дождливо,
Одиноко, сиротливо,
Некому помочь.
Встанет мрачный у штурвала.
Рулевому дела мало,
Гонит мысли прочь.
Или, может, со старпомом
На двоих — полбанки рома,
Вроде свой мужик...
Иль поплакать втихомолку?
Да и то не будет толку,
Вроде не привык...

Заурчит машиной «Смелый»,
Задымит своей трубой:
— Сколько лет ходил с тобой!
Что случилось, в самом деле?
Что же делать — разлюбила...

Что же делать — позабыла,
Разные пути,
Нам пора заняться делом... —
Пробурчал сердито «Смелый», —
Что ж, пора идти...

Ты смотри, какой туман!
Подтянитесь, капитан.
Столько лет с тобой вдвоём,
Ничего, переживём...

* * *

Ни по чьей вине
Сам в себе пропал.
Ты писала мне —
Писем не читал.

Тени на стене
От крутых перил.
Ты звонила мне —
Я не подходил.

Стал я слеп и глух
В суматошный век.
Тополиный пух
Словно первый снег.

* * *

Наступила пора прощаний.
Наступила пора прощений,
Неисполненных обещаний,
Неудавшихся воскрешений.
Неизвестно, какие утраты
Нам ещё предстоят в пути.
Даже если ты виновата,
Всё равно говорю: «Прости...»

* * *

Растаяли давно
Мгновенья встреч.
Но всё же я одно
Сумел сберечь —

И сам тому не рад,
Судьбу кляня,
Храню в душе твой взгляд.
А он — меня...

* * *

Уезжаю не навсегда,
Но с тобой прощаюсь навечно.

Обниму тебя, как тогда,
В первый раз, за детские плечи.

В морозящем дожде вокзал.
Ты стоишь. Ты не прячешь взгляда.
Веришь, всё бы тебе отдал.
Да тебе ничего не надо.

Встреча

В толпе торопливых прохожих
Увижу тебя, оглянусь.
И душу наполнит тревожно
Щемящая, давняя грусть...
Мерцает твой облик и тает
В заснеженных сумерках дней.
Не память нам изменяет,
А мы изменяем ей.

* * *

В тот день я из Риги домой уезжал.
Вот плавно качнулся и дрогнул вокзал,
И крыши, и острые шпили.
И тронулся тихо купейный вагон.

И небо, и тихий пустынный перрон
В минувшее тихо поплыли.

Мой город! Готических улиц твоих
Читаю на память таинственный стих
И думаю, что не случайно
Тот месяц навечно остался в душе
И будет теперь неизменно уже
Печалью оваян и тайной.

Печалью и тайной, и радостью встреч,
Которые всё же сумеет сберечь
Моя неизбывная память.
Я так благодарен за это тебе,
Я так благодарен за это судьбе —
За всё, что свершилось меж нами...

И мчится сквозь время купейный вагон,
И словно на гребнях притихнувших волн
Его осторожно качает.
Мелькают, тускнея, в ночи фонари,
И звёзды, в преддверии ранней зари,
В тумане таинственном тают.

Письмо

А по ночам здесь тишина,
Лишь сосен шум да гул прибойя.

И фонаря на пол-окна —
Мерцанье бледно-голубое.

Я буду месяц изнывать
От неподвижной пляжной скуки.
Я буду долго забывать
Твои лицо, глаза и руки...

Звенит ночная тишина.
Далёко слышен гул залива.
Тяжеловесная луна
Задумчива и молчалива.

Довольно истины одной,
Чтоб жить счастливо и беспечно:
Ничто не вечно под луной,
Да и луна сама не вечна.

Всё встанет на свои места...
Как просто всё, но слишком поздно.
А высь безбрежна и чиста,
И только ярко светят звёзды...

Пишу — всё будет хорошо,
А всё давным-давно прошло.

* * *

Осенью похолодало
И зачастили дожди.
Если письмо запоздало,
Почту винить подожди.
Утром вздохнёшь ты устало,
Первому снегу не рад.
Если письмо запоздало,
Может быть, сам виноват?

* * *

Хотелось любви и тепла.
Надежды и верного друга.
Но жизнь незаметно вошла
В границы житейского круга.

Без радости и без тоски
Потянутся сроки лениво.
Как воды осенней реки,
Спокойно и неторопливо.

Но в час, когда тают снега,
И птицы потянутся с юга,
Почувствуешь, как нелегка
Такая дорога без друга.

Но пуст твой построенный дом.
Но ты доживи до рассвета,
Но ты дотерпи, а потом
Настанет привычное лето,
И жизнь войдёт не спеша
В спокойное, тихое русло.
А в час, когда дремлет душа,
Возможно ль высокое чувство?

* * *

Та женщина жила неподалеку
От старого дворца бакинских ханов...
А в комнате был низкий потолок,
И окна выходили прямо в небо
И в море, что мерцало на рассвете,
И горизонт светился бирюзью.
И воробьи ещё в пыли купались;
И корабли качались у причала;
И властно возвышались минареты;
И не тревожили шаги прохожих
Уснувшую в глухих проулках вечность...
А женщина спала. Она не знала,
Что этот мир обязан ей рождением...
И тихо лепестки роняли розы
В дворцовый пруд с зелёною водою...

Трамвай летит над гулкими мостами,
И стынет звон в морозной тишине.
И вот сейчас расстанемся мы с вами:
Вам — надо на Конюшенной, а мне

Ещё кружить по улицам. По гулким,
Где чуть дымят ночные фонари,
Заснеженным, пустынным переулкам,
Что будут безмянны до зари.

Продрогну в опустевшем вдруг вагоне,
Вздремну едва, и вот, в конце концов,
Я выйду на пустынном перегоне
И вспомню ваше смуглое лицо...

Бреду тропой заснеженною к дому.
Мерцает одинокая звезда.
И кажется, что были мы знакомы
И только что расстались навсегда...

Взгляд

Ты всё спешишь куда-то суетясь,
Боясь прослыть обычным и банальным,

И навсегда утрачиваешь связь
Меж вымышленным миром и реальным.

И чаще вспоминаешь невпопад
Тот день и час, на время позабытый,
Тот женский тихий, удивлённый взгляд,
Какой-то беспокойный и открытый...

О том, что этот беспредельный миг
В душе твоей навечно и незримо
Теперь лишь, много лет спустя, постиг,
Ну а тогда привычно — мимо, мимо...

И безвозвратно миновали дни,
И этот миг, потерянный тобою,
Когда, казалось, руку протяни
И встретишься с единственной судьбою.

* * *

Сентябрь. Дождь. Мерцание залива.
Звонящий на ветру сосновый лес.
Лишь только парус вздрогнул сиротливо,
Как тут же в синем мареве исчез.
И мы с тобой притихшие стояли,
И догорала тусклая звезда.

А было ли? А было ли? Едва ли...
А будет ли? — Не будет никогда.
Но всё же вспоминаешь почему-то
Звенящий лес, пустующий причал.
И счастьем называешь те минуты,
Что ранее совсем не замечал.

* * *

Есть нечто меньше, чем любовь;
Но нечто больше, чем усталость,
Когда считаешь вновь и вновь,
Как мало дней тебе осталось.

Неразрешимостью томим,
Воспринимаешь всё иначе,
И одиночеством своим
Не удручён, но озадачен...

Когда темнеют небеса,
Но различимее детали,
Когда знакомые глаза
Полны надежды и печали.

* * *

А была ли ты на самом деле
В миг, когда исчезла навсегда,
Или просто птицы пролетели,
Прозвенела вешняя вода?

Словно бы натянутая ветром,
Зазвенит судьбы стальная нить,
Как портной заправский, метр за метром,
Буду четко прошлое кроить...

И не то чтоб изменила память,
Просто быстро время пронеслось,
Просто очень многое с годами
Заново переживать пришлось.

* * *

Целый месяц водку пил,
Потому и не заметил,
Что весна на белом свете,
Просто выбился из сил...
Впрочем — так и раньше жил.

Каждый день — туда-сюда —
Всё проблемы да заботы,

Вот и вся моя работа,
Словом — радости труда...
Впрочем — это не беда.

Редко видимся с тобой,
А куда как чаще — с ними —
С теми, с этими, с другими
На неделе. В выходной...
Как же там тебе одной?

Утро. Снега кутерьма.
Отдохнул — пора в дорогу.
Жив пока — и, слава Богу,
Слава Богу, что зима...
Ну а ты пришла сама.
На душе — белым-бело
Сколько снегу намело...

* * *

Сверкнёт планета опереньем,
Скользнув с привычной высоты,
И вспомню в это же мгновенье
Твои забытые черты.

Благодарю тебя, разлука,
За то, что мы давно не те;

За то, что подошли без муки
К той разделительной черте;

За то, что нынче, ночью поздней,
Не сушит душу мне беда,
И что сияет в небе грозном
Моя последняя звезда.

* * *

Украшена огнями ёлка —
Готовы к празднику давно
В том доме на краю посёлка,
Где тускло светится окно.

Забуду расставаний муки,
И пусть душа наивно лжёт —
От суеты и от разлуки
Судьба меня не бережёт.

И вновь, как прежде, в тусклый вечер
Мне возвращенье предстоит,
И вновь, как прежде, снежный ветер,
Смеясь, вдогонку засвистит.

Мне одиночество знакомо,
А ваша дружба — ни к чему.

И я спешу навстречу дому —
Единственному, своему,

Где пахнет жареной картошкой,
Где стынет чайник на плите,
Где жизнь проходит понемножку
В предновогодней суете.

* * *

Да, мы запомним это лето.
Сосновый лес. Причал. Река.
Июльским солнцем разогреты
Плывут лениво облака.

Качнулась лодка у причала,
Скользнуло по воде весло,
Нам больше не начать с начала,
Печаль волною унесло...

И станет лёгкою утрата.
И словно не было утрат.
И ты ни в чём не виновата.
И я ни в чём не виноват.

* * *

Не осуждаю, не прошу
О счастье личном,
Я поздней осенью дышу
В саду больничном.

Теперь, когда ты далеко,
В чертогах Юга,
Я понял, как это легко —
Любить друг друга.

Забуду про тоску потерь,
Приняв лекарства.
За эти полчаса, поверь,
Отдам полцарства.

Пусть небосвод сегодня мглист,
Пусть хмарь глухая,
Как бабочка осенний лист
Кружит, порхая.

Пускай в тумане тает даль
И лист кружится,
Пускай уносится печаль
Последней птицей.

Я всё оставил на потом —
И расставанья, и прощенья.
И в этот город, в этот дом
Совсем не жаждал возвращенья.

Теперь, когда ты вновь пришла,
Листая памяти страницы,
Я понял: молодость прошла
И никогда не возвратится.

Смотрю в глаза твои опять,
Они полны пустой надеждой.
Я начинаю понимать
Всё, что нас связывало прежде.

Я говорил с тобой, и дым
Костра сквозь память расстелился,
Не стал я снова молодым,
Хоть в прошлое и возвратился.

Всю ночь гудели поезда,
Текла неспешно так беседа,
И понял я, что никогда
Сюда я больше не приеду.

Мы стали с тобой далеки,
А жизнь убывает незримо,
Как воды осенней реки
Неспешно, но неотвратимо.

Растает в морозной тиши
Октябрьский сумрак ненастья,
Но вечная память души
Хранит впечатления счастья.

И пусть в немоте тишины
Приблизится сумрак развязки —
Становятся вещими сны
И былью — забытые сказки.

Меж нами — времён непогодь
И ветер, и воды, и льдины,
Но души однажды Господь
Навек сочел воедино.

А значит — ни страх, ни беда,
Ни боль, ни любовь, ни могила,
Никто, ни за что, никогда
Вовек разлучить нас не в силах.

Судьбы людские

* * *

Если б Иуда не сторговался,
Если б дороже просил за Христа,
Может, другой бы апостол продан,
Совесьть Иуды была бы чиста.
Стал бы Иуда великим святым,
Благообразным, честным, седым.
Он бы судил нас, строго взирая,
Властно звенел бы ключами от рая,
Если б не сторговался тогда...

* * *

В рыбах есть что-то змеиное,
В людях есть что-то звериное,

Что-то расчётливо-точное,
Неуловимо порочное,
Злобное и осторожное.
Неистребимо безбожное.

* * *

Опять кого-то воскрешают,
Но говорят уже — он был...
И, здравицы провозглашая,
Среди белеющих могил
Поставят памятник гранитный
И будут долго повторять:
Что, мол, талантливый и видный,
Что больно нам таких терять,
Что высших почестей достоин,
Любим и чтим... О, Боже мой!
Что мог бы написать покойный,
Когда бы знал, кто он такой?!

Последние и первые

Одни задирают высоко голову потому,
Что хотят рассмотреть звёзды.
Другие — потому, что привыкли на всех
и на всё

Смотреть свысока.
Как порой трудно различить
Первых и последних...

* * *

Мне говорят, что я слишком рационален.
Возможно. Однако не более,
Чем Ганс Христиан Андерсен,
Который, выезжая куда-либо,
Среди прочих
Совершенно необходимых ему вещей
Непреренно укладывал в саквояж
Длинную верёвку,
Чтобы в случае пожара в гостинице
Благополучно выбраться из окна.

* * *

Наши мечты и надежды
Всегда напоминали мне одежду:
В детстве мы быстро вырастали из неё,
И уже через год нам покупали
Новые ботинки, рубашки.
В юности

Нам хотелось одеваться модно и красиво,
Так, чтобы всегда нравиться окружающим,
Особенно девушкам и экзаменаторам.
А потом мы стали носить
Один и тот же тёмно-синий
Импортный шерстяной костюм.
И всегда, при удобном случае,
Напоминали:
«Ему уже девять лет,
А он по-прежнему как новый...»

Сожаление

Однажды вдруг с горечью осознаёшь,
Что чего-то тебе уже никогда не достичь,
Чему-то уже никогда не научиться,
Что из великого множества дорог,
Лежавших перед тобой когда-то,
Некоторые остались далеко позади
И тебе уже никогда по ним не проехать.
Я уже никогда не научусь рисовать
Или, скажем, играть на скрипке,
Никогда не стану ни лётчиком,
Ни капитаном дальнего плавания.
И хотя многое ещё впереди,
Становится обидно, что, выходя на перекрёсток,

Приходится выбирать одну дорогу,
Когда хотелось бы пройти тремя...
Вдобавок ко всему мне теперь мешает спать
Шум деревьев, которые я так и не посадил...

* * *

С годами начинаешь гордиться тем,
Чему ранее не придавал никакого значения:
Потрёпанной книжкой
С автографом известного автора,
Давнишней детской дружбой
С нынешним героем труда,
Областной газетой
Десятилетней давности
С упоминанием о тебе
В числе прочих
В когда-то нашумевшей статье,
Малозначительным этюдом,
Никому не известным,
Который, однако, принадлежит кисти
Большого художника,
И даже серебряной медалью
Городского первенства,
Которую ранее считал
Самой обидной неудачей
В своей спортивной карьере...

Таврический сад

*И всюду – страсти роковые,
И от судеб защиты нет.*

А. С. Пушкин

Всё слабее неоновый свет.
За оградой внезапно и странно
Возникает дворца силуэт,
Что сокрыт пеленою тумана,
Словно нечто такое тая,
Что открыться пред нами готово.
Замираю. И память моя
Воскрешает события былого...
Хан из Персии прибыл и жил
Во дворце. Многочисленной свитой
Не напрасно себя окружил,
Так как прибыл он с важным визитом.
Регулярно вершил он намаз
И гарем посещал до обеда.
Он привёз драгоценный алмаз
За убийство посла Грибоеда.
Вот он едет к царю на приём,
Но монарх не сердается на хана.
И был принят подарок царём,
И обласкан посланец Ирана...
Не обмолвились словом ему

Об убийстве поэта России.
О, когда б удалось и кому
Переписывать судьбы людские!
Но иной доверяясь судьбе,
Как же страшно, наверное, всё же
Встретить гроб на скрипучей арбе
Под изодранной, пыльной рогожей.

Данзас

Катит скрипучая бричка,
Жаркий полуденный час.
И задремал по привычке
Старый полковник Данзас.

Счастья нет и в помине,
Нет ни детей, ни жены.
Тлеет, как угли в камине,
Позднее чувство вины...

Жизнь переменчива наша —
Счастье, разлука, беда...
Что же вы медлите, Саша? —
Крикнуть хотелось тогда...

Выстрел. Душа встrepенулась,
Словно развеялся сон.

В стылое небо взметнулась
Чёрная стая ворон.

Помните лица и строчки,
Морщите мудрые лбы,
Но не просите отсрочки
У милосердной судьбы.

Последняя версия о побеге Наполеона с острова св. Елены

Мог бежать Наполеон
С острова Святой Елены,
Если пожелал бы он
Избавления от плена.

Вот блистательный обман!
Вновь с судьбой играем в жмурки —
Вот он, вот он, хитрый план,
Спрятан в шахматной фигурке!

Словом, почему нельзя?
Были штормы и туманы,
Были верные друзья,
Были деньги, были планы,

Не скрипели бы в ночи
Часовых продажных глотки,

Были тайные ключи,
Были лестницы и лодки...

Но куда бежать! Бог мой!
О несовершенство мира!
Сотворён уже иной
Образ мрачного кумира.

Не вернуть былого. Нет.
Даже если возвратиться.
Тусклый долгий лунный свет
В волнах пенистых дробится.

Равнодушен океан.
И ворчит прибой невнятно.
И вздохнув, блестящий план
Положил кумир обратно...

Бестужев-Марлинский

*Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло...*

А. А. Бестужев

I

Балы, концерты, маскарады,
Блеск аксельбантов, эполет,

Ученья, смотры и парады,
И только ночью ты — поэт.
И к чёрту свет, пустой, манерный,
Слова вельможи-дурака...
Свеча роняет свет неверный,
И тень колышется слегка...
Но что перо?
Перо — не шпага!
А сколько сделать бы хотел!
В душе всегда жила отвага:
Поменьше слов — побольше дел!
Судьба. Отечество. Рылеев.
Непримиримый, честный взгляд.
Ужели жизни пожалеем?!
Кондратий, друг мой, как я рад...
И вновь — волнения, заботы,
Ночные встречи, шумный бал...
Постой же, маска, кто ты? Кто ты?
Тебя я прежде не встречал...
И вдоль Фонтанки мчит карета
В морозных бликах фонарей
Штаб-офицера и поэта
С ночной избранницей своей.
Лови последние мгновенья —
Туманный взор, покорность губ...
Но бьёт минута пробужденья —
Призывает глас гвардейских труб.

Остудит сердце мрак январский.
Падёт таинственный покров.
И будет гнев коварен царский,
А жребий — страшен и суров...

II

Друзья мои! Что с вами ныне?
Кого из вас судьба хранит?
Один томится на чужбине.
Другой — в тюрьме. А ты — убит!
Ах, Пушкин, Пушкин... Нет, не жалость —
Наш скорбный путь лежит во мгле.
Но неужели не осталось
Сердец достойных на земле?
И офицерам, и поэтам
Давно пора понять, друзья,
В несовершенном мире этом
С душой открытой жить нельзя.
Нельзя? Нельзя! Но Боже правый,
Как быть тебе, когда ты сам
Рожден для подвига и славы
С душой, летящей к небесам?!
А дальше? Дальше будь что будет.
И пусть не будет ничего.

Потомок строгий не осудит
Сомнений сердца моего...

Белеет саван пенных кружев,
И вал за валом катит вал.
Опальный прапорщик Бестужев
В десанте без вести пропал.
Что в жизни скорбной и постылой
Решит последний спор с судьбой?
И ни креста, и ни могилы,
А только пенится прибой...
И в море зыбком, там, далёко,
Так неподкупно и светло
Белеет парус одиноко,
Как лебединое крыло...

В Донском монастыре у надгробия Сумарокова

Не узнать Москвы с гравюр старинных.
Разрослась столица вдаль и вширь...
Я вхожу в ветшающий, в былинный,
Позабытый Богом монастырь.

Где могила русского поэта?
Только имя славное хранит,

Времени минувшего примета,
Этот старый, выцветший гранит.

Ну а впрочем, разве нынче нужен
Этот ветхий, сгорбленный старик
И его неловкий, неуклюжий
И неповоротливый язык?

И кому теперь какое дело,
Что там зрело в мудрых их умах?
Время пролетело, прогремело
И летит вперёд на всех парах!

Нет мгновений даже оглянуться.
Целый мир в туманной мгле исчез.
На ветру пустые ветви гнутся,
Покосился безымянный крест...

Сад воскреснет с новою весною,
Зашумит, исполнен новых сил,
Но гудит тревожно подо мною
Пустота отеческих могил.

* * *

То ли ранняя весна,
То ли осень поздняя,
Снег повис на ветвях

Белыми гроздьями,
Солнца блики на стене,
На дворе — слякоть.
Поздно радоваться мне,
Рано плакать.

* * *

Ты расстроился — зима.
Неожиданно и скоро.
Снежных хлопьев кутерьма
В красных фарах светофора.

Но, однако, посмотри —
Тополя не пожелтели,
Ярко светят фонари,
Хоть совсем обледенели.

Мало ли что выпал снег.
Жизнь прекрасна, как и прежде.
Приостанови свой бег,
Посмотри в лицо надежде.

* * *

Ты ждал наступленья зимы,
Как ждут избавленья от боли.

А ветры в желтеющем поле
С утра затянули псалмы.
Ты ждал наступленья зимы.
Ты ждал на исходе недели,
Как сказку, ночной снегопад,
А думал, совсем невпопад,
О птицах, что к югу летели,
О птицах, что с юга летят..

* * *

П. Кириченко

Позабытый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи вёрст
Тишина, тишина.
Ох, шальная беда
Погуляла окрест:
Коммунисту — звезда,
Православному — крест.
Сколько бурь, сколько битв —
Стыли реки в крови.
Сколько страстных молитв
Да бессильной любви!
Угасали глаза,

И морщинились лбы,
И стекала слеза
В окоёмы судьбы.
Чуть дымится во мгле
Мир загадочных звёзд.
Только в этой земле
В человеческий рост
Всем достаточно мест,
Все равны навсегда:
Православному — крест,
Коммунисту — звезда.
Позабытый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи верст
Тишина...

* * *

И снова ваш спор о судьбе.
Но вязки земные дороги...
Что толку в пустой ворожке,
Коль нету ни слова о Боге.

Чего же хотите тогда,
Какого такого порядка?
Весь мир заливают вода
Неверия. Всё — без остатка.

Сотрёт ускользящий век
Последние вехи и грани:
Кто к Ною взойдёт на ковчег,
Кому подвернётся «Титаник».

Камни

Там, где история Русской земли
Преподавала уроки,
Лишь вековые камни смогли
Выдержать долгие сроки.

И оседают года и века
Пылью на камень могильный.
Память людская, увы, коротка,
Память гранита — бессильна...

Вечную мудрость будут хранить
Камни в суровой печали...
Если бы только могли говорить,
То всё равно бы молчали.

* * *

Дай Бог тебе сильных врагов,
Которые злы и умны,

И пусть не тревожит их снов
Досадное чувство вины.

Быстрее не будешь идти,
Дорога не станет легка,
Когда одолеешь в пути
Какого-нибудь дурака.

* * *

Из человека жизнь уходит,
А он сердешный, мельтеша,
Ещё по жизни колобродит,
Не чуя, как скорбит душа.

Ещё он женщин ловит взоры,
Ещё он весел, жив, здоров,
Ещё не знает приговора
Уже бессильных докторов,

Ещё он сам — сама беспечность,
Ещё не ведом смерти страх,
Но вот уже застыла вечность
В его тускнеющих глазах.

И он ещё не понимает
В своей избушке лубяной,

Что постепенно убывает,
Что завершает путь земной.

Друзей в застольях угощая,
Смеётся — всё пройдёт — и пусть,
Но с удивленьем ощущает
Ещё неведомую грусть.

И зрелищ требует, и хлеба,
Но путь земной с трудом верша,
Уже готовится на небо
Его мятежная душа.

Времена и нравы

Суворов

Увы, уже не та столица,
Но он-то помнит те года,
Ведь с ним сама императрица
Была почтительна всегда.
И дело вовсе не в наградах,
Он не желает, не привык
Во фрунт тянуться на парадах
И пудрить выцветший парик.
Ему ль, солдатскому герою,
В тщеславной суете сновать?
В мундире прусского покроя
Душе российской не бывать!

Пока течёт спокойно время,
Живёт в угаре кутежей
Бездарное, тупое племя

Корыстолюбцев и ханжей.
И мнится им, что в этой жизни
Они познали всё сполна.
Но им Россия — не Отчизна,
Для них не Родина она...

А в нашем мире беспокойном
Опять война, опять пальба,
И будет выбирать достойных
Не император, а судьба.
И станет жалок и бессилен
Дурак в чванливости своей,
И позовёт тогда Россия
Своих опальных сыновей!
И побледнеют в страхе лица,
И дрогнет в зеркалах заря,
И понесутся от столицы
Во весь опор фельдъегеря...

Ну а пока — пора иная.
Качает маленький возок.
Не спит, о чём-то вспоминая,
Продрогший до костей ездок.
Склонившись, задремал возница,
А кони продолжают бег...
Когда-нибудь да пригодится
России умный человек!

Баллада о хозяйственной сетке

Походкой немного нетвёрдой,
Храня независимый вид,
По улице шествует гордо
Минувшей войны инвалид.

И обыкновенная сетка
В руках огрубевших его —
Теперь уж на улицах редко
С такой повстречаешь кого.

Примета минувшего быта!
Мы стали тебя забывать.
Всё было легко и открыто,
И нечего было скрывать...

Теперь уж не переиначим
Минувших сокрывшихся дней,
Где жили не то чтоб иначе,
Но всё-таки как-то дружней...

Опять твоя сумка забита
До самых высоких краёв,
Пейзажем заморским сокрыто
Бездонное чрево её...

Индийское кино

Мне довелось, не так уж и давно,
Устав от споров о Жан-Поле Сартре,
Сидеть, смотреть индийское кино
В каком-то небольшом кинотеатре...

Сюжет закручен так, что наш герой,
Или герои, любят и страдают,
Случается, что все они порой
Уже по краю пропасти шагают.

Везёт же тем, которые живут
Нечестно, недостойно, глупо, жадно,
Но час пробьёт — наступит Высший суд,
И их судьба карает беспощадно.

И настает счастливая пора —
И вот сентиментальная развязка,
Благословенно царствие добра —
Счастливая, врачующая сказка...

А зритель нет, он вовсе не простак,
Когда смеётся, негодует, плачет...
Уж он-то знает: в жизни всё не так,
А даже, может быть, совсем иначе...

Вновь вернулись в первобытный век,
Только не с дубиной, а с ракетой.
И опять гвоздает человек
По башке другого человека.

Состраданью места нет в душе.
В телевизионной круговерти
Сто смертей пересмотрев уже,
Мой сосед закусывает смертью.

Снова наливает и опять
Он во власти смутного экрана,
Ведь чужое горе принимать
Близко к сердцу, согласитесь, странно.

Ни судить, ни спорить не берусь.
И давно уже не жду ответа.
Где твой Бог, моя родная Русь?
Где твой Бог, родимая планета?

И летит всемирный наш экспресс.
И гремит железная дорога.
И уносит дальше нас прогресс
От природы,
от любви,
от Бога.

Весной обычно спится плохо,
И беспокойно на душе.
Апрель. Кончается эпоха.
Скрипит Земля на вираже.

А мне твердят, что невралгия,
Поменьше есть, поменьше пить.
Но мир другой. И мы другие.
И ничего не изменить.

А нам рассказывают сказку,
Что жизнь безумно хороша,
Но так близка уже развязка,
Когда в огне сторит душа.

Объял планету адский пламень,
Кругом беда. Кругом война.
Я в храм войду. И пусто в храме.
И в храме Божьем тишина.

И посреди всемирной битвы
В канун вселенского конца
Шепчу слова своей молитвы
Как бы от третьего лица.

В суете уходящего века
Вдруг очнёшься от тщетных забот —
Не забыл ли Господь человека
Да и весь человеческий род?

С нами надо, конечно, поостроже,
Ведь давно, в суете мельтеша,
Позабыло творение Божье
Место, где обитает душа.

Всё торопимся: делаем дело,
В пустословье коверкая речь,
Что там душу — и брэнное тело
Не умеем от скверны сберечь.

Свято веруем — всё будет лучше.
И скользим невозвратно ко дну.
Ох, как близко, Господь Всемогуший,
Подпускаешь Ты к нам сатану.

В круговерти, заверченной бесом,
Не встречаем родного лица,
Всё бежим по дороге прогресса,
А дороге не видно конца...

*...Весь мир представляет собой одну комнату,
точнее – один огромный вагон
в межзвёздных сферах – для курящих.*

архиеп. Иоанн Шаховской

К комфорту привыкла Европа.
Скользит, как по волнам вагон,
Но в час предстоящий потопа
Навряд ли нас вынесет он.

Сосед мой свою сигарету
Докуривает не спеша.
Пока не призвали к ответу —
Не дрогнет в сомненьях душа.

В эпоху грядущего хама
Смири выраженья лица
И, сидя под сводами храма,
По книжке проси у Творца.

А мир, как вагон для курящих,
Растает неслышно во мгле,
Помилуй нас, Боже, пропащих,
Продляя наш путь на земле.

* * *

Вступайте, вступайте в союзы,
Сомнения и страх — позади.
И пусть ошарашенных в лузу
Вгоняют вас смачно вожди.

Скорей получите прописку,
Хватайте державную статью.
Ведь чёрту сподручней по списку
Со временем вас отыскать.

* * *

Зачем летали на Луну,
Чего искали?
А всю огромную страну
За ночь проспали.

А всё пытались обличить
Отсталость века...
Не можем даже грипп лечить
У человека.

И с отречением спеша —
Глухи и громки...

А что душа? А что душа?
Душа — потёмки.

Вожди про счастье говорят:
Мы у порога.
И как-то смутно, невпопад
Вдруг вспомнят Бога...

Куда кого тягать силком,
Никто не знает.
Свеча под глиняным горшком
Едва мерцает.

* * *

Он шёл толпе наперекор
И, выйдя из водоворота,
Перекрестясь, зашёл в собор,
Прикрыв тяжёлые ворота.

И отступила темнота,
На паперти застыли тени,
Он встал пред образом Христа
И опустился на колени.

Кто был он — мытарь или вор?
Просил прощения? Покая?

Но всем чертям наперекор
Крестился правою рукою...

Он слов молитвы не учил,
Но всё же как-то изъяснялся,
И отблеск от его свечи
Под самым куполом метался.

Он вышел, осенью дыша,
И, деньги раздавая нищим,
На миг почувствовал — душа
Затеplилась на пепелище.

Вот так, преодоляя тьму,
Он утолил свои печали.
И нищие вослед ему
«Храни Господь тебя!» — кричали.

* * *

Не ощущаем, как когда-то,
Во всём — присутствие Творца.
В эпоху хамства и разврата
Живём в преддверии конца.

Не зная ни причин, ни сроков,
Охотно верим в миражи.

И слушая чужих пророков,
Купаемся в потоках лжи.

Бежим за сумрачной столицей,
Которую попутал бес,
И ждём заморских инвестиций,
Как раньше жаждали чудес.

* * *

Не понять нам теперь всё равно
Величавость прошедших времён,
Только смутно доносит кино
Шорох платьев да шелест знамён.

Книга дрогнет в усталой руке,
И мечтаний рассеется дым —
Мы на разном совсем языке
Пишем, думаем и говорим...

Но как прежде — лепечет листва,
Так же птицы поют по утрам,
И всё те же молитвы слова
Наполняют предпраздничный храм.

Не коверкай эпохи итог.
Удержись на крутом вираже,

Ведь покуда Природа и Бог
Одичать не позволят душе.

* * *

И снова — март. И снова — слякоть.
И снова — всё наоборот.
И будет тощий диктор каркать
О том, что знает наперёд.

И будет смех подобен стону.
И будет властвовать обман,
Покуда мы, как на икону,
Взираем на цветной экран.

* * *

Не включай телевизор, не надо,
Хоть мгновенье побудь в тишине.
Меж ветвей опустевшего сада
Тихо звезды плывут в вышине.

Не включай телевизор, не стоит
Видеть этот вселенский бардак,
Где мечтает весь мир перестроить
Каждый третий учёный дурак.

Не включай телевизор, послушай
Шум листвы и шептанье воды,
Воздух майский немного получше
Испарений партийной среды.

Не включай телевизор, не трогай,
Молча пусть этот ящик стоит,
И дыханье свободы и Бога
На мгновенье тебя посетит.

* * *

Мгновеньем надо дорожить,
А не оплакивать потери.
Всё ждем. А надо бы спешить —
Не много нам Господь отмерил.

Распахнуты в рассветной мгле
Врата небесного чертога.
А мы всё тщетно ищем Бога
На этой суетной земле.

* * *

Смотрю телевизор тупея
И в тысячный раз не пойму:

Как быстро Россия, Рассея,
Скатилась в кромешную тьму.

Мгновенно забыли кумиров,
Привычки сменили спеша,
Но шествию чуждого мира
Противиться стала душа.

Господь не оставит вовеки,
Сквозь мрак бесовской проведёт,
Покуда ещё в человеке
Хоть искорка веры живёт.

* * *

Боже, как мы все устали
От удачи невпопад,
От железных магистралей,
От бетонных автострад,

От назойливых событий,
От тревожных новостей,
От неведомых открытий,
От напившихся гостей,

И — ни охнуть, ни вздохнуть.
И лежит наш скорбный путь

Среди шума, среди гама,
Мимо Бога, мимо Храма.

Свалка

С утра машина за машиной
Привозят мусор городской,
Всё выше высится вершина
Зловонной мерзости людской.

Наверно, завтра будет лучше
И нас совсем оставит бес,
А ныне — мусорные кучи
И дым клубится до небес.

Небесные темнеют своды,
Земную впитывая грязь,
А равнодушные уроды
Идут по жизни, веселясь.

* * *

На всех — и сытых, и голодных —
Одно и то же, хоть ты плачь, —
Убожество журналов модных
И тупость телепередач.

И верит каждый — как иначе? —
И в справедливость, и в прогресс,
И вся держава хором плачет
Над гибелью чужих принцесс.

Все одинаково угрюмы.
И на просторах всей страны
На всех — одни и те же думы,
У всех — одни и те же сны.

Как тихо в нашем околотке.
Я времени не тороплю.
С устатку выпью рюмку водки.
Неспешно баню протоплю.

В глубинах мысли проплывая,
Я отклонюсь от косяка,
Смотря, как молча рыба стая
Заходит в сети рыбака.

* * *

Реклама.
Реклама.
Реклама.
А после — для чутких сердец

Бразильская слёзная драма,
И триллер. И модный певец.

И новости. Скромно и мило
Ведущая зыркнет — и вот
Дебаты столичных дебилов
Затянут нас в водоворот.

То съезды, то думы, то Ельцин.
То бред, то словесный понос.
Извилины стали, как рельсы,
Вперед полетел паровоз.

Мы снова счастливыми стали,
И жизнь — и светла, и легка;
И манит нас в светлые дали
Призывное пенье гудка.

Вокзальное

Летят дороги дальние
Отсель во все концы.
Гудит толпа вокзальная,
Призывно бьют часы.

Народ бежит и мечется,
Торопится, спешит,

Во все концы Отечества
Отсюда путь лежит.

Летит шальное времечко,
И множится тщета,
Повсюду — пиво, семечки,
Повсюду — суета.

Законы расписания
Здесь по привычке чтут,
Состав без опоздания
К перрону подадут...

Неоновыми брызгами
Сверкнёт герба литьё...
Залузгали, замызгали
Отечество моё!

Захапали. Залапали.
Профукали. Проплакали.
В безбожном онемении
Летим навстречу темени.

* * *

Когда ненастье на пороге
И страх гнетёт в ночной глуши,

Тогда мы думаем о Боге
И о бессмертии души.

И молимся о доле лучшей,
Пытаясь соблюсти посты, —
Но лишь Господь развеет тучи,
Мы вновь во власти суеты.

Что ж, пронесло — и слава Богу, —
В круговороте кутерьмы
Опять греховною дорогой
Спешим привычно в царство тьмы...

Не жди, когда придёт беда,
Молись и бодрствуй всегда!

* * *

Как второсортное кино,
Чужие сны смотреть устали.
Чужие помыслы давно
Как будто собственными стали.

И новостей вдыхая пыль,
Мы жить не можем без подсказки,
И словно собственную быль,
Чужие изучаем сказки.

Чужих мечтаний непогодь...
Как тяжело сквозь тьму наветов
Услышать, как зовет Господь
От мрака к свету.

* * *

Планы партии — планы народа,
Неизбежно победный маршрут.
Равнодушно взирает природа
На немой человеческий труд.

Вроде к свету вела нас дорога,
Всё одно — заблудились впотьмах.
Всё, что нагородили без Бога,
Неизбежно развеется в прах.

Не совета прошу, не ответа,
Всё как нужно, устроит Господь,
Только после весёлого лета
Неизбежно придёт непогодь.

И безмолвные лягут снега,
И закружит забвенья пурга.

Компьютеры, ксероксы, факсы.
И биржи. И курсы валют...
Меняем на марки и баксы
Души первозданный уют.

Но, как ни крути, на кладбище
Тебя всё равно понесут.
Богатый ты будешь, иль нищий
Предстанешь на Божеский суд.

И поздно поймёшь, что не зритель,
Что это уже не кино,
И будет бесстрастным Спаситель,
И яростным будет вино.

Телевизионным пророкам
Ты снова поверить готов...
Что ж, верь предсказателям сроков,
Люби толкователей снов.

Мерцает во мраке планета.
И звезды, как свечи, горят.
И в цепких сетях Интернета
Блуждает душа наугад.

* * *

Критиковать и обличать —
Зачем? И то — живём неплохо.
Теперь в умении молчать
Угадывается эпоха.

Пусть мы давно попали в плен
Своих несбывшихся мечтаний,
Несокрушимых правил тлен
Заменит истину исканий.

Огнём беспамятства горим,
Над бедами чужими плачем,
Всё говорим и говорим,
А думаем — совсем иначе.

Теперь и я как все — молчу.
Пусть тяжела моя дорога,
Молитвы заново учу
И об одном прошу у Бога,

Чтоб в нас, когда настигнет мгла,
Душа ослепнуть не смогла.

Живём в виртуальном пространстве.
Газета. Компьютер. ТэВэ.
И ветер познаний и странствий
Давно не шумит в голове.

Живём в ограниченном мире,
Неиствуха и мельтеша,
И в тесной и тихой квартире
Твоя обитает душа...

А ей бы — а ей бы в дорогу
И — к небу,
И — к звёздам,
И — к Богу!

Эпоха грядущего хама
Стучится настойчиво в дверь,
Укройся под сводами храма
От будущих бед и потерь.

Догонит лукавый и дышит
В затылок. Но ты не робей.

Молись — и Спаситель услышит,
Сомнения и страхи развеи.

Покайся — и душу отпустит.
Во мраке развеется бес,
И с лёгкой, неведомой грустью
Душа воспарит до небес.

Притчи

Змея

Ползёт змея. И с виду безобидна.
Ползёт, едва шурша сухой травой,
И в той траве её совсем не видно —
Лишь изредка сверкает чешуей...

Ползёт змея, от глаз людских сокрыта,
И замер я, дыханье затая, —
Пусть, говорят, она не ядовита,
Но я боюсь — ведь всё-таки змея...

* * *

Отара послушно бредёт за своим пастухом,
Спокойно, лениво, не зная забот и тревоги.

А он, в полудрёме, на ослике едет верхом
По только ему одному лишь известной дороге.

Отара не ведаёт страха, не знает беды.
Бараны бредут друг за другом лениво и сонно.
И тащатся вновь целый день от воды до воды,
И верят, что всё это прочно, надёжно, законно.

Ведь есть же пастух, что на ослике едет верхом.
Он умный. Он знает дороги и все водопой.
И стадо послушно бредёт за своим пастухом,
Бредёт, убаюкано знойным и сытым покоем.

И вечно бредут вслед за ним мимо гор, мимо сёл.
Но дремлет пастух, и бессильные свесились руки.
И тянет отару тупой, своенравный осёл,
Не зная, куда и свернуть от назойливой скуки.

* * *

Хотел со всеми жить в ладу,
Да только нет со всеми лада.
Один несую свою беду —
Наверно, это так и надо.

Наверно, так тому и быть,
Но как пороку трудно это —

Не балансировать, а жить
На шатком стыке тьмы и света.

Не в разобщённости беда,
Не в том, что мы забыли Бога.
Скажи, кого винить, когда
Внезапно кончилась дорога?

По саду Летнему бреду,
В морозном инее ограда.
Хотел со всеми жить в ладу,
Да только нет со всеми лада.

* * *

Внешних признаков волненья
Никогда не проявлял.
Говорил всегда: «Терпенье —
Мой девиз и идеал».

Говорил: «Ну что добьёшься?
Ничего не изменить,
Только сам и расшибёшься,
Стену лбом не прошибить».

Но однажды не сдержался,
Бледен стал, как будто мел,

Стукнул по столу, взорвался,
Проклял пошлый свой удел.

Но напрасны все старанья,
Ни на ком не дрогнул волос,
Потому что от молчанья
Потерял он громкий голос.

* * *

Посев взойдёт на вспаханной земле,
Дождём обильно политой и потом.
О, будь благословенною работа
Под знойным солнцем и в рассветной мгле!

О, будь благословенен вечный труд
На ниве, где заколосятся всходы
Добра, познаний светлых и свободы,
Которые потомки соберут!

Но где зерно случайно упадёт
Или в песок, или во чисто поле,
Оно случайным знаком прорастёт
Или умрёт томящимся в неволе.

Умрёт или останется одно
Средь сорных трав взошедшее зерно.

Сухое дерево

Оно других переживёт —
Что, в самом деле, с ним случится?
На нем листва не зацветёт,
На ветви не присядут птицы.
Не тяготят его плоды,
Болезни долгие не мучат,
Не надо солнца и воды,
И ветер не страшит колючий.
Ни боли нет, ни счастья нет —
Вот долголетия секрет.

Жизнь

Наш пароход вперёд плывёт
К заветной цели.
То полный ход, то задний ход —
Шторма да мели.

Всё оставляем на потом,
И ждём, что вскоре...
А жизнь осталась за бортом —
Как море.

Живя в эпоху перемен,
Напрасно не ищи покоя,
Судьбой начертано другое —
Не попадись в позорный плен.
Живя в эпоху перемен,
Старайся отойти от мира,
Держись подальше от кумира,
На чьих устах смертельный тлен.
Живя в эпоху перемен,
Бывай почаще на природе
И одевайся по погоде,
Пусть даже если ты спортсмен.
Живя в эпоху перемен,
Старайся не забыть о главном
И сделай из железа ставни —
Не создавай себе проблем.
Живя в эпоху перемен,
Не суетись и успокойся,
Молись — и ничего не бойся,
Ни расставаний, ни измен...
И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой —
Твоей единственной заботой
Пускай останется душа...

Не зарекайся никогда —
Нежданною — придёт беда,
Негаданно наступит срок
И время выполнять зарок,
И будет бесконечна ночь,
И ты не сможешь превозмочь
Слепозаума испуг,
И станешь беззащитен вдруг,
В сомненье скорбном дрогнет дух
И дважды прокричит петух.

Учись довольствоваться малым,
Иначе — просто не прожить.
Привычкой, словно ритуалом,
Умей особо дорожить.

В эпоху суеты и смуты
Плыви с течением реки,
Цени часы. Считай минуты.
Покой душевный береги.

В водовороте модных мнений
С потоком мутным не кружись,

Не будь в плену чужих сомнений,
Почаще Господу молись.

Иди вперёд своей дорогой
Без суеты и не спеша.
И помни лишь одно — для Бога
Твоя бессмертная душа.

* * *

Причинно-следственные связи
Не путай, глядя с высоты.
Лечебными бывают грязи
И ядовитыми цветы.

Решай, своё имея мнение,
Не отвергай чужой совет,
Бывает горечь пораженья
Достойней радости побед.

Царская охота

Так ведётся исстари —
Есть цари —
а есть псари.

Не спеша и деловито
На охоту едет свита.

Только царь взмахнёт платочком —
Псарь уже летит по кочкам —

Гул, стрельба, собачий лай —
Берегись! Не отставай!

В чисто поле, с косогора
Катится со свистом свора...

Скоро посвист стихнул звонкий —
Царь же между тем — сторонкой...

Все оставили его,
Не случилось бы чего?

Охрани, Господь, царя,
Осади, прошу, псаря.

* * *

Нам всем необходимо постоянство.
Но постоянным в мире быть нельзя.
Незыблемо небесное пространство —
Уйдут родные. предадут друзья.

А деревья в саду твоём весеннем
Опять шумят раскрывшейся листвою:
На том же месте — в праздничном цветенье,
На том же месте — сумрачной зимой.

Ты сам себе придумал много правил,
И незачем других во всём винить,
Уж если в жизни что и мог поправить —
То точно — ничего не изменить...

И ни о чём не рассуждай привычно.
Природа всё расставит по местам.
Смотри на мир, прекрасный и обычный,
И радуйся светящимся листам.

* * *

Живи сегодня и сейчас,
Как на исходе.
Быть может твой последний час
Уже проходит.

Не трать минут по пустякам,
Оставь сомненья.
Верши свой труд назло врагам
Без сожаленья.

И пусть забвения трава
Восходит смело,
Душа надеждою жива,
А сердце — делом.

Пусть не соседствует беда
С твоей судьбою,
И да пребудет навсегда
Господь с тобою.

Жизнь моя — надежда и сомненье

* * *

Жизнь моя — надежда и сомненье.
Словно зыбкий свет звезды во мгле.
Ворошу сгоревшие поленья,
Искры гаснут в стынущей золе.

Клонит в сон вечерняя усталость.
Электрички гулкий стук колес...
А кому-то ведь и эту малость
Получить при жизни не пришлось.

Лучшего уже и сам не чаю...
Тускло светит белая луна.
Покурю немного. Выпью чаю,
Прикорну у тёмного окна.

Но как только лишь глаза закрою,
Буду слышать — сам тому не рад, —
Как шумит июльской листвою
Вымерзший за эту зиму сад.

Цирк моего детства

Как прекрасно всё было вокруг!
И соседей счастливые лица,
И арены сверкающий круг,
Где учёные звери и птицы!

О таинственные миражи!
Но как был преисполнен отваги
Тот факир, поглощавший ножи
И стальные блестящие шпаги...

Лишь взмахнёт рукавами факир,
Птицы вдруг вылетали оттуда,
И был этот загадочный мир
Воплощением света и чуда.

Но решив показать, что и как,
Чтобы публика вновь не скучнела,
Он раскрыл свои тайны, да так
Откровенно, искусно, умело,

Что восторг преисполнил сердца
Всех сидящих в восторженном зале,
Ведь такого, признаться, конца
Они, в общем-то, не ожидали.

Ну, а мне бы не видеть того.
Подступила вдруг к горлу обида.
Я крепился, твердил: «Ничего...» —
Не подав ни малейшего вида.

С затаённой обидой в душе
Я домой возвращался оттуда,
С той поры и доныне уже
Не живу предвкушением чуда.

Догорая, мерцают огни,
И тускнеют лазурные краски...
Миновали прекрасные дни,
Где я жил ожиданием сказки.

Оптимист

Повесил подкову над дверью —
Пусть счастье она принесёт,
Наверно, правдиво поверье,
Должно быть, примета не врёт.

Но всё обернулось иначе,
А впрочем, наверно, всегда —
Так редко бывают удачи,
Так часто бывает беда.

Чем круче судьбы поворот,
Тем пояс затягивал туже,
И верил: «А всё же везёт»,
И думал: «Могло быть и хуже».

В больнице

Светает рано. Тишина.
И мне, лежащему в постели,
Мир из больничного окна
Иным казался, в самом деле...

Ведь ты, доверившись врачам,
Уже в другом соизмеренье,
Тебя тревожат по ночам
Глухие шорохи и тени.

Грачей озябнувших галдёж
Бог весть чем кажется спросонья,
А всё так просто, как чертёж
Ветвей нагих на синем фоне.

И вот очерчены уже
Все устремленья и желанья,
И смысл загадочный в душе
Уже на грани пониманья.

И осязаема тщета
Своим незримым постоянством,
И различимее черта
Меж бранным миром и пространством.

Когда, в беспамятстве дрожа,
Забилось сердце онемело,
Когда казалось, что душа
Уже вот-вот оставит тело...

* * *

Обиды забыв и наветы,
Как будто бы в сонном бреду,
Я в воды таинственной Леты
Под лунным сияньем сойду.

Я стану простым и покорным
В тумане сгоревшего дня,
И скоро холодные волны
Неслышно поглотят меня.

Охваченный вечным покоем,
Живу я движеньем реки.
Как тени над чёрной водою,
Проходят друзья и враги.

Рассыплются жёсткие звенья
Незыблемой связи земной,
И тусклые звёзды забвенья
Застынут в ночи надо мной.

* * *

Я не считал свои утраты,
Хоть и обиден груз потерь,
Но буду помнить, как когда-то
Ты постучала в эту дверь.

Ноябрь покроет снегом землю,
Мороз — костров развеет дым,
Разлуку долгую приемлю
Под этим небом голубым.

А впрочем, что мне все разлуки?
Слежу за медленной рекой,
Как величаво и без муки
Природа обрела покой.

И над моей страной равнинной
Потянется последний клин,
Прощальным криком журавлиным
Звения в морозной мгле долин.

* * *

Стихи писали километрами,
А издавали — килограммами...
Когда-то восседали мэтрами,
Теперь закусывают с хамами.

Когда-то числились учёными,
Чьим очень дорожили мнением,
Но ложь, однажды изречённая,
Теперь карается забвением.

А я живу в своей безвестности,
Хоть тяжелей с годами пишется.
Иду пересечённой местностью,
И мне легко, как прежде, дышится.

* * *

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,

Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

Ты в нашей жизни лишний,
Но не переживай,
Коль веришь, что Всевышний
Тебе откроет рай.

В лучах коварной славы,
В круговороте дел
Молись, чтобы лукавый
Тебя не одолел.

Бесовских игрищ зритель,
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

* * *

Крадучись вползает в дом беда.
Скрипнет дверь. Очнёшься на рассвете —
Так сложилось, видно, что всегда
Ты один, за всё один в ответе.

И опять — никто не виноват.
Да и что чужой виной искупишь?

Ни тюрьма, ни золото наград
Не спасут погибнувшие души.

И закон один — живому жить,
Не меняя сути до могилы...
Лишь одно спасение — простить,
Да на это не хватает силы.

* * *

В покинутом доме распахнуты двери,
Уныло скрипят одичавшие ставни,
Приходят без страха пугливые звери,
Хоть дом стороной обходили недавно.
Снуют деловито нахальные мыши,
Щебечут беспечно случайные птицы.
Уже прохудилась покатая крыша,
И окон сияют пустые глазницы.
И пусто. И тихо. И так одиноко,
Лишь только журавль пролетает высоко.
О чём ты, зачем ты поёшь, соловей,
Кого ты обрадуешь песней своей?..

* * *

Страдай, страдай, душа моя,
Пусть мы не властны над судьбою —

Неотвратимость бытия
Пока не властна над тобою.
Как птица, раненная влёт,
Над заповедными долами
Лети, спасение моё,
С окровавленными крылами...

* * *

Птицы стремятся к теплу.
И на решётке оконной
Сидя, прижмутся к стеклу
Тихо и замороженно.

Их не пугают теперь
Света дрожащие блики,
Громко скрипящая дверь
И разговоры, и вскрики...

Страшен мороз, полумгла,
Ветер, что воет и злится.
Хочется света, тепла
И человеку, и птице.

* * *

А всё-таки спешу, спешу,
Пусть даже ошибаясь снова,

Всю боль мятущейся души
Вложить в трепещущее слово!
Когда молчания печать
Твои уста сомкнёт навечно,
Ему — звенеть, ему — звучать
То дерзновенно, то беспечно.
Но, покорясь своей судьбе,
Не ожидай вознагражденья:
Нет ни спасения тебе,
Ни состраданья, ни прощенья.
Сомнений чашу ты испил
И не тверди молитв упрямо.
Ведь всё равно не хватит сил
Изгнать торгующих из храма.

* * *

Время пришло собирать камни.
Кто даст ответ,
Что из них строить?
Храм ли воздвигнуть
Белоколонный
Или тюрьму понадежней?
Тот, кто изрёк, что пора настала,
Так давно говорил об этом...
Сколько с тех пор разрушено храмов?

Сколько с тех пор построено тюрем?
И не тверди — только Богу известно...
Время прошло разбрасывать камни...
Время пришло собирать камни.
Только камней не осталось.

Вокзал

Ночное небо отразилось в лужах.
В дожде сверкают ярко провода.
Гудит вокзал, на сквозняках простужен,
В дорогу отправляя поезда.

Встречай, Самара, Киев и столица,
Друзей, гостей, домой спешащих вновь.
Ищи знакомых радостные лица,
Всё рядом здесь — разлука и любовь.

Всё вперемешку — радость и тревога,
Сместились в небе звёзды и луна.
Отсюда начинается дорога,
Но здесь же и кончается она.

Чадит неон дрожащим, тусклым светом,
Мерцает в небе синяя звезда.
Пора, согласно купленным билетам,
Занять свои последние места.

* * *

Тает в стынувшей роще
Отблеск талой луны.
Жить бы надо попроще —
Без обид, без вины.

А по жизни иначе —
Дни утрат нележки.
То от радости плачу,
То смеюсь от тоски.

То бессонницей маюсь,
То не встать поутру,
Быть правдивым стараюсь —
И бессовестно вру.

Жить бы надо иначе —
Не курить и не пить,
И в деревне, на даче
Баню чаще топить,

Соглашаться со всеми,
Не печалиться зря,
Не растрачивать время,
О пустом говоря,

До бессилья не спорить
И не переживать,
И у тёплого моря
Каждый год отдыхать.

А в осиновой роще
Заплескался закат...
Жить бы надо попроще —
Не выходит никак.

* * *

Зимняя дорога.
Полная луна.
На душе — тревога,
На сердце — вина.

Белые сугробы.
Синяя звезда.
Что бы сделать, чтобы
Счастлив был всегда?

Сердце глухо бьётся,
Хочет отдохнуть.
А позёмка вьётся,
Замечает путь.

Зимнею дорогой
Вечно нам идти...
Далеко от Бога
Все наши пути.

* * *

С годами пишется трудней.
С годами мыслится тревожней.
И в долгой веренице дней
Живёшь не проще — осторожней.
Не потому, что жизнь сложна.
Не потому, что слово глуше...
Меня настигла тишина,
И я боюсь её нарушить.

* * *

Лето настало. Сирень отцвела,
И устоялась погода.
Долго ждала, как покоя, тепла
Скорбная наша природа.

Зазеленели сады и леса,
Тянутся тонкие всходы.

И отразили в себе небеса
Озера светлые воды.

И постепенно развеялся мрак,
Силу листва набирает...
Только душа не проснётся никак,
Не отойдёт, не отгадет...

* * *

Этот город в тумане чахоточных, тусклых ночей,
Где белесое марево потом пропахло и дымом,
Стал заброшен, как сад, стал теперь он как будто ничей
В каждодневном своём убывании неуловимом.

Стали уже проспекты. И улицы стали тесней.
Стали ниже дома. И приземистей стали соборы.
Обветшали дворцы. Стали белые ночи тускней,
И оград кружева превратились в простые заборы.

Этот город, как мы, в бестолковой своей суете,
В маете, толчее, в несуразных и глупых стремленьях,
В каждом вздохе отчаянном, в каждой случайной черте
Повторяет собою последние два поколенья.

Не ищу виноватых. Да я и не вправе искать!
Что слова... Что мои сокровенные думы...

Но и права, извечного русского права прощать
Я лишен навсегда этой ночью, слепой и угрюмой...

Сколько надо любви, чтобы город из пепла восстал,
Чтобы вновь замерцали кресты и высокие звёзды.
Но пугает в ночи чей-то хищный и грозный оскал,
И змеёй проскользает холодное, горькое: «Поздно...»

И тяжёлые волны забьются в слепом кураже,
И свинцовые тучи сокроют рассветные дали.
Но ведь теплится что-то, ведь что-то мерцает в душе,
И покуда ещё у нас этого не отобрали...

И ещё — этот бронзовый ангел с тяжёлым крестом
Осеньет перстом купола, проржавевшие крыши...
И задумчиво ветер поёт... Что же будет потом?..
Я-то знаю о чём, но уж лучше бы это не слышать.

* * *

И вот опять — долой, долой!
И снова — мелочные склоки.
Кому, скажи, о, Боже мой,
Нужны истории уроки?

Февраль. И оттепель опять.
И площадь щерится брусчаткой,

Как будто вновь эпоха вспять
Бредёт во мгле походкой шаткой.

273

* * *

Не дай-то Бог, случится
Ненастная пора,
Январский ветер злится
И воет до утра.

Когда закружит выюга
По всей родной земле,
Ни недруга, ни друга
Не отыскать во мгле.

Когда в душе тревога,
Отчаянья стена,
Когда уже дорога
Совсем заметена,

Когда луна сурова,
Когда глухая ночь,
Когда не сможет Слово
Тебе ничем помочь.

* * *

Ты говоришь мне: «Будь спокоен.
Паренье, взлёты — суета...
Всяк смертный в жизни удостоен
Посильной тяжести креста.

На память выучи уроки,
Постигни мудрость вечных книг,
Но раз отмеренные сроки
Нельзя продлить хотя б на миг.

Хоть вечно спор веди о главном,
Но прав не будешь никогда.
Смотри, как лист кружится плавно,
Как сонно плещется вода,

Как неспеша, несуетливо
Покрыла мир ночная мгла,
Как величаво, горделиво
Подпёрли небо купола,

Как лунный свет скользит по крышам,
Как дождь долбит унылый стих,
Как замолкает — тише, тише —
Дыханье улиц городских...

Ты говоришь мне: «Будь спокоен».
А я спокоен, как всегда...
Над вечным северным покоем
Мерцает вещая звезда.

* * *

Быт затягивает не спеша...
Незаметно по дням убывая,
Остывая, тускнеет душа,
О небесном впотьмах забывая.

Как сквозь толщу февральского льда
Солнца луч никогда не согреет,
Так душа, как речная вода,
Замедля свой ход, леденеет.

И кончина близка. Но очнись —
Растопи ледяные плотины,
Распахнётся небесная высь,
Пробудятся речные глубины,

И душа воспарит налегке,
И звезда отразится в реке.

* * *

Человек боится темноты.
Человек боится высоты,
Бедности, болезней, неудачи.
И в круговороте суеты,
Потеряв остатки простоты,
Всё боится не успеть к раздаче.

Потеряв надежду и покой,
Рыщешь волком в суете мирской,
Копишь униженья и сомненья.
Счастье не оценивай рублем —
Пенный след волны за кораблём —
Все наши земные достижения.

Что без Веры наше Бытиё?
В этом — и спасение моё,
В этом и сомненье, и надежды.
Остывает медленно земля.
В опустевшем парке тополя
Примеряют белые одежды...

* * *

Очнёшься от шумных застолий,
Где праздная чарка горчит,

Услышишь, как в стынущем поле
Полуночи птица кричит,

Крылами забьётся тревога,
В реке почернеет вода,
И тенью судьбы у порога
Застынет чужая беда.

Но что нам чужие утраты,
В разгаре неистовый пир,
Не ведая страха расплаты,
Безумствует суетный мир.

Я в этом веселии лишний,
И, мучась, опять и опять
За что нас карает Всевышний —
Стараюсь в смятенье понять,

Ведь скоро глухие метели
Закружат чужие слова,
И скоро нас в прах перемелют
Эпохи иной жернова.

Молчу я. И нет мне ответа.
И сердце устало стучит,
И утренняя сигарета
Во рту непривычно горчит.

* * *

Зачем и откуда — не знаю,
Да и понимать не берусь,
Пришла эта осень земная,
А с ней — бестолковая грусть.

И только уймутся тревоги,
Открою тяжёлую дверь.
Как светлая пыль на пороге,
Развеецца горечь потерь.

Чем дальше с годами — тем глуше
Смиренная эта тоска.
И если желаешь, не слушай,
Как сонно лепечет река.

И как различимее слышен
Таинственный ход бытия,
Как листья заденут за крышу,
Как вздрогнет собака моя.

И этот покой как награда
Как будто совсем ни к чему,
И что же от жизни мне надо,
Теперь уж совсем не пойму.

А светлые воды струятся,
Лепечут — как плач или смех,
И можно, конечно, смеяться,
Хотя и поплакать не грех.

* * *

Вот и кончилась осень. И ладно.
От зимы дождались ответа.
Снег под утро выпал неожиданно.
Потерпи. Доживем до лета.

Пусть природы круговращенье
Не гнетёт тебя, не пугает,
Ведь и жизнь наша все движенья
Вслед за ней не спеша повторяет.

Пусть вокруг дураки храбрятся,
Наше счастье и наши муки
Не спеша опять повторяются
В судьбах наших детей и внуков.

Ни к чему на судьбу обижаться,
Бесполезно винить друг друга
И не стоит нам вырываться
Из привычного этого круга.

* * *

Когда-нибудь настанет час,
И неизбежное случится,
И вот надежды тонкий пласт
Под ветром страха истончится.

Крыла беды раскинет ночь,
И пустота в родных могилах.
Чем я могу тебе помочь?
Я сам себе помочь не в силах.

И вот сомнение моё
Сквозь камень знаний прорастает,
И верится, что бытиё
Сознание определяет.

И вот приходит новый век,
А вместо Библии — экраны...
И верится, что человек
Произошел от обезьяны.

На счастье или на беду
Господь послал такую участь.
Лесной дорогою иду,
О будущем уже не мучась.

Чуть слышны птичьи голоса,
Листвы таинственной движенье,
И отразили небеса
Сирени белое кипенье...

Забывтый скит. Притихший лес,
Где тишина развеет тугу,
Где только деревянный крест
Хранит безмолвную округу.

* * *

Жизнь — работа. И перечень дел.
Нет привычным заботам предела.
Не заметишь, как сын повзрослел.
Не заметишь, как мать постарела.

О земном суетясь и скорбя,
Не заметишь, как сердце остынет.
Хоть мгновенье оставь для себя
В мире зависти, скорби, гордыни.

Но отсчитаны сроки уже,
Бестолково петляет дорога.
В переполненной мглою душе
Места нет для покоя и Бога.

* * *

Он всё ждал грозу в начале мая,
Молнию, сиянье звёзд в ночи...
Жизнь прошла, как туча дождевая,
Солнечные выцвели лучи.

Понемногу унялось сомненье.
Снег плывёт в пространстве не спеша.
И луны морозное свеченье
Восприемлет скорбная душа.

* * *

В бане пахнет мелиссой и мятой,
Лист березовый мягко шуршит.
Только жара ещё маловато
Для озябшей от жизни души.

Камни светятся спелой малиной,
Пар окутает мягко полоч,
И как будто бы духом незримым
Наполняется банный чертог.

А в предбаннике — водка, закуски,
Я один в деревенской глуши,

Вот теперь я действительно русский
Во всю ширь разомлевшей души.

Вот теперь всё легко и привычно,
И пора не печалиться — жить,
И «полтинничком» водки «Столичной»
Все сомненья души осадить.

В санатории

Три дня осталось в тишине
Гулять и тешить душу личным,
И доктор выпишет при мне
Невнятным почерком больничный.

Иду по парку не спеша,
Мне, право, нравится лечиться,
И не моя ли там душа
Качается на ветке птицей?

Вот-вот взлетит. Вспорхнет вот-вот,
Забыв про свод врачебных правил,
Мир, полный мелочных забот,
Возьмёт и навсегда оставит.

Не сквернословлю. Не курю.
Не пью. Вот разве только чаю.

И эту раннюю зарю
Как милость Божию встречаю.

* * *

Жизнь суетой такой наполнишь,
Что успеваешь чуть дыша...
А через месяц и не вспомнишь,
О чём тревожилась душа.

Как ныне причиняют муку
Пустопорожние слова,
И снова зависть, ложь и скуку
Гордыни мелют жернова.

Конечно, надо быть мудрее.
А если проще — надо быть.
Свои потери не жалея,
Теченье светлых дней любить.

И не пора ль остановиться,
Войдя в блистательный зенит,
Послушать лес, увидеть птицу,
Которая вот-вот взлетит.

* * *

Под утро — снег. Застыли лужи.
Спешат прохожие в метро.
Блажен, кто никогда не тужит,
Случайно делая добро,

Обид не чувствуя усталость,
Чужих не слушая речей,
Осознаёт простую малость,
Что он лишь Божий, и — ничей,

Кто просто так, как эта ива,
Живёт, не ведая тоски,
Склоняя выю терпеливо
Перед течением реки.

* * *

Предвижу скорую разлуку,
Но счастием не дорожу.
Меняю суету на скуку,
По лесу зимнему брожу,

Листаю памяти страницы,
Вдыхаю снежный дух хвой,

И желтогрудые синицы
Щебечут, словно соловьи...

Здесь тишиной меня подлечат,
И, одиночеством томим,
Пойду опять судьбе навстречу,
Твоей молитвою храним.

Биография

Он жизнь свою как книжку
В трамвае прочитал,
Жил второпях, вприпрыжку,
В компаниях блистал,

Всё, суетясь, носился
В круговороте дел...
Как вдруг остановился,
На миг остолбенел,

И тут неумолимо
Тоска его нашла —
И понял он, что мимо
Вся жизнь его прошла.

Близка к концу дорога,
И страх гнетёт уже —

Ни счастья, ни Бога
В озябнувшей душе.

Гулял по белу свету,
Надеясь на авось,
И продувает ветер
Судьбу его насквозь.

* * *

Мне ночью плохо спится.
Мне ничего не снится,
Маячат чьи-то лица
И тьма на всей земле...
Храпит во сне столица,
Озябшая синица
На ветке серебристой
Качается во мгле.

Течёт однообразно
Движение жизни разной.
В ночи крестообразно
Мерцают фонари.
Душа оставит тело
В дремоте онемелой
И будет неумело
Скитаться до зари...

Озябшая вернётся
И солнцу улыбнётся,
И время повернётся,
И на круги своя
Вернётся всё, что было,
Что полночь растворила,
Что мысль на миг забыла
Во мраке бытия.

* * *

Ах, как раньше писалось!
Эх, как раньше пилоь!
Всё куда-то девалось,
Как-то оборвалось...

Стал не то чтобы старше,
И не то чтоб устал...
Но с колонной на марше
Успевать перестал.

Всё не в ногу, не в ногу,
Всё не в лад, да не в ряд,
Да и той ли дорогой
Мой шагает отряд?

Но никто не ответит,
С горьким чувством вины
Вдруг захочешь на свете
Одного — тишины.

В этом мире пропащем
Судьбы переплелись,
Дорожить настоящим
Поскорей научись.

Не в колонне, на марше,
Но один, не спеша.
И едва отдышавшись,
Потеплеет душа.

* * *

Хотелось жить легко, красиво,
Сверкать, как факел на ветру.
Хотелось славы, словно пива
Холодненького поутру.

Потом куда-то всё пропало
И пообветрилось слегка,
Привычным и обычным стало,
Как эта рюмка коньяка.

* * *

Какая Осень! После бани
С устатку выпью двести грамм.
Пора, пора готовить сани,
Пора готовиться к снегам.

Поверишь — целый день в заботах,
Так что кружится голова —
Покрасил заново ворота,
С размахом напиллил дрова,

Сушу грибы, варю варенье
И не боюсь пропасть во тьме.
Готовлюсь, не спеша, к забвенью,
Как к продолжительной зиме.

* * *

Компьютер пишет музыку. Слова
Компьютер также складно в рифму сложит.
Пусть не болит душа и голова,
Так быстро человек навряд ли сможет.
А мне дается Слово тяжело
Раздумие, сомнения, тревога...
Давно бы бросил это ремесло,
Когда б не верил, что оно от Бога.

* * *

По тем адресам, где когда-то я жил,
Беспмятства ветер позёмку вскружил.
Всё спугалось — лица и даты.
Осталась лишь горечь утраты...

В тумане забвенья плывут города,
В которые я не вернусь никогда,
Но нет сожаленья и муки
От этой последней разлуки...

Но всё же стараюсь в душе сохранить
Мгновений былых путеводную нить
Меж нынешним днем и прошедшим,
Хоть и не скорблю об ушедшем.

Покуда ещё не закончен мой путь,
Я в будущее не спешу заглянуть,
Куда бы ни вышла дорога —
Во всём полагаюсь на Бога.

* * *

Смирил Господь. Болею.
Лежу. Лекарства пью.

О прошлом не жалею,
Времен не тороплю.

Застыл замысловатый
Рисунок на стекле.
И дым печей косматый
Клубится в стылой мгле.

Последние морозы
Мои сковали сны,
Притихшие берёзы
Привычно ждут весны.

В преддверьи нашей встречи
Метель смирит разбег,
И выпадет под вечер
Почти весенний снег.

Бессонница

Закончен день. Закончен век,
И воцарилась тьма.
С небес струится мягко снег
На сонные дома.

Какой покой и тишина.
Колеблет ветер хмарь,
Мерцает тусклая луна,
Как городской фонарь.

Не спится. В мареве ночном
Бессонницы туман.
И сон, и явь в дыму печном
Закружат свой обман.

Промчится вихрем перемен
Похмельный хоровод,
Опустошат ветра измен
Высокий небосвод.

Из бытия в небытиё,
Взорвав последний мост,
Летит сознание моё
Среди погасших звёзд.

* * *

Не пряча голову, как страус,
Гоню пустых познаний страсть —
Уверен — миром правит хаос,
А не мифическая власть.

Пусть кто-то, сидя на престоле,
Забыв о Боге, чтит закон,
Но свищет ветер в чистом поле,
Взметая пыль былых времён.

Покуда не настали сроки,
Молчит Всемилостивый Бог,
И рано, видимо, пророки
Подводят всем и вся итог.

Земля качнётся, и лихие
Наступят дни, и грянет час —
И равнодушная стихия
В единый миг поглотит нас.

Застынут воды — тишь да гладь,
И будет Божья благодать,
И будет на волнах неметь
Луны торжественная медь.

* * *

В потоке мутном бытия,
Во мгле полуденной мороки
Не унывай, душа моя,
Покуда не настали сроки.

Во всём, Господь, рука Твоя.
Напрасно не ищи забвенья.
Не унывай, душа моя,
В путях спасенья.

Лети, сомнений не тая,
Уняв напрасную тревогу,
Не забывай, душа моя,
Молиться Богу.

* * *

Синица, беспечно порхая,
Присядет на миг у окна —
Хорошая весть ли, плохая —
А, всё-таки, свыше дана.

Не верю в приметы, но всё же
Несу суеверий печать.
Даруй мне терпение, Боже,
Всё с радостью воспринимать,

И чтобы с тобой ни случилось,
Напрасно судьбу не кляни,
Приемли, как высшую милость,
И эти ненастные дни.

Птичьи права

Не имею, как маленький птах,
Ничего — только небо да ветер.
Я живу здесь на птичьих правах,
Улечу — и никто не заметит.

Самолёты летят высоко,
Неизбежно надёжны турбины,
Бороздить им привычно легко
Высоты голубые глубины,

А меня — не встречают. Не ждут.
Нет надежды — но нет и сомненья,
Не имеет значенья маршрут,
И отсутствует пункт назначенья.

Как мне дороги эти права,
Пусть они называются — «птичьи».
Я лечу — и небес синева
Кружит голову вечным величьем.

А когда я однажды умру,
То душа рассмеётся на воле,
Где печалью звенит поутру
Васильковое звёздное поле.

Метро

Спускаюсь в подземное чрево,
Где в царстве полночных огней
Направо поедешь, налево —
Но цели достигнешь своей.

Маршрут нашей жизни спрямился —
Бетонные стены вокруг —
Куда б ты теперь ни стремился —
Всё будет по плану. Не вдруг.

Огней бесконечные чётки
Считает, сбиваясь, душа,
По линиям строгим и чётким
Маршрут бесконечный верша.

А может быть, к лучшему это,
Ни неба не надо, ни света.
Победно гудят поезда,
И солнце не слепит глаза.

* * *

Ночь темна. И дождик блёклый
Занавесил фонари,

Молибденовые стёкла
Не пропустят луч зари.

Окна гаснут постепенно.
Вступит ночь в свои права —
От заката до рассвета
Потускнеет синева,

Чёрно-жёлтое пространство,
Голубые купола.
И от чтенья, как от пьянства,
Разболелась голова.

Мы давно про всё забыли,
И давно не ждём гостей,
Наглотавшись снежной пыли,
Беспросветных новостей.

Нет надежды. Нет просвета.
Говорят — не будет лета.
Да и то — опять дожди,
Словом — счастья не жди.

Нам на это наплевать.
Выпьем водки — и в кровать.
Будем спать и видеть сны
О величии страны.

* * *

Выпил рюмку. Покушал
На закуску груздей.
С аппетитом послушал
Речи мудрых вождей.

Так легко и понятно
Объяснили они
Отчего, вероятно,
Ждут нас светлые дни.

Я поверил бы в это —
Кто ж не хочет пожить?
Но врачи мне до лета
Приказали не пить.

Разве рюмку. И только...
Трезв весь день напролёт.
Я не верю нисколько
В то, что счастье придёт.

Новый год на даче

Январь. Зима на белом свете.
Давно убрали со стола.

Унёс во мрак колючий ветер
Мои сомненья и дела.

В минуты редкие досуга
Топлю камин и пью коньяк,
А за окном январским вьюга
Не успокоится никак.

Собака лает. Мёрзнут звёзды.
Немая ночь и тут и там,
Сосед придет в гости поздно
И сразу выпьет двести грамм.

Огонь шумит легко и споро:
То заурчит, то заворчит.
Предпочитаем разговорам
Молчание в глухой ночи.

Зачем слова? И так всё ясно.
Тепло. Светло. И жизнь прекрасна.
Но жаль, что очень коротка,
Как эта рюмка коньяка.

Немятово

Б. Матвееву

Утром — в порядке давленье,
Значит — лекарства не пить.
Новое стихотвореньё
Можно к обеду слепить.

К Ладоге выйти, как к морю,
Воздух бодрящий вдохнуть,
В гости к весёлому Боре
На шашлычок заглянуть.

Боря, хоть лыка не вяжет,
Валенки тут же обул.
Гостю подробно расскажет
Про Кандагар и Кабул.

Гений любви и злодейства,
Мелких и нудных интриг,
Он — генерал лицедейства,
Тайный и важный стратиг.

Как я люблю эти встречи!
Сети. Рыбацкий баркас.
Солнечный ладожский вечер.
Пьянство, живущее в нас...

И воспарят над бедою
Красный закат вдалеке,
Церковь над синей водою,
Баня на жёлтом песке.

Вечность и бренность в стакане,
Но устоим в непогодь,
Пусть нас удача обманет,
Всё же не выдаст Господь.

Сложно всё в жизни. И просто.
Господи, Боже ты мой,
В сумерках мимо погоста
Я возвращаюсь домой.

Мимо вселенского мрака,
В пепле сгоревшего дня
В дом, где жена и собака
Ждут с нетерпеньем меня.

* * *

Не хотел бы подводить итоги,
Рано на пугающий покой,
Мне судьбою — умереть в дороге,
До звезды дотронувшись рукой.

Всё промчалось — годы, сказки, были,
И костров полночных сизый дым.
Было время — и меня любили,
Да, и я когда-то был любим...

А о том, что не сбылось когда-то,
Не жалею — нет пути назад...
Не грусти — ведь ты не виновата,
Да и я ни в чём не виноват...

Догорают времена и даты
На закате сумрачного дня.
Радостно молюсь и виновато:
Господи! Не оставляй меня!

Пусть в ночи моя истает свечка,
Но очнусь счастливый поутру,
Чуя, как дрожит моё сердечко,
Как душа трепещет на ветру.

Об авторе

Дмитрий Мизгулин. Родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт имени Н. Вознесенского в 1984 году и Литературный институт им А. Горького в 1993 году. Член СП России. Академик Петровской академии наук и искусств с 2002 года. Печатался в журналах: «Звезда», «Литературный Азербайджан», «Молодая гвардия», «Наш Современник», еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. Автор книг стихотворений «Петербургская вьюга» (1992), «Зимняя дорога» (1995), «Скорбный слух» (2002), «О чем тревожилась душа» (2003), «Две реки» (2004),

«География души» (2005), «Избранные сочинения» (2006), «Духов день» (2007), «Новое небо» (2008), сборника рассказов «Три встречи» (1993), литературных заметок «В зеркале минувшего» (1997), книжки для детей «Звезд васильковое поле» (2002). Лауреат премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2004), премии «Петрополь» (2005), премии журнала «Наш Современник» (2006), Всероссийской премии «Традиция» (2007), премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы (2007). Живет в городе Ханты-Мансийске.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Козлов. Увидеть утреннего ангела 3

Пусть душу укрепит молитва

Утренний ангел	7
«Вокруг такая суета...»	8
«В ночь перед Рождеством...»	9
«Морозы грянули. Крещение...»	10
В храме Феодора Стратилата	11
«В такие дни не хочется писать...»	13
«Молюсь исправно Богу, но...»	13
«Молюсь ежедневно, но всё же...»	14
Страстная пятница	14
«Я высказаться тороплюсь...»	16
«Сказал пророк: „Жить не по лжи“...»	17
После охоты	17

«Когда-то Солнце было богом...»	19
Свеча	19
«Твои костры горят далече...»	20
Ангел-хранитель	21
«В церковь ходим и крестим лбы...»	22
«Живем по человеческим законам...»	23
Духов День	23
«Кругом — бардак. Кругом — бедлам...»	24
«Не зная, что будет, наверно...»	25

Россия

Смута	26
Отъезд.....	27
Китеж-град	29
«Остывает родная земля...»	30
На выставке русского портрета	32
«Осенью поеду на охоту...»	33
«Над храмом Бориса и Глеба...»	35
«Надежда умерла...»	36
«Который год нас бури носят...»	37
«Кажется, что жизнь сошла „на нет“...»	37
«Мы хороших не ждем новостей...»	38
«Гордились долго чудь и водь...»	39
«Друг мой, а что же делать мне...»	39
«Долгий год. Тяжелые утраты...»	40
«Давно уж ни во что не веря...»	40
«Раньше мы своим гордились прошлым...»	41

«Кружась во всемирном потопе ...»	41
«Все учились на чужих примерах...»	42
На прощальном банкете	43
«Мы шли, не ведая тревоги...»	44
«Тяжеловесная луна...»	45
«Жить хотелось бы получше...»	46
«Была когда-то Родина. А ныне...»	47
«С зимой, похоже, всё в порядке...»	48
«Скоро мы оставим мир подлунный...»	49
«Мы жили с Господом в разлуке...»	50
«Похоже, слишком много знаю...»	51
«Традиции. Вера. Устои...»	51
«Живу предвкушением чуда...»	52
«Мы видели чужие сны...»	53
«Погаснут светила в полуночный час...»	54
«Делили хлеб, делили кров...»	55
«Весна. И снова ледоход...»	56
Дожди	57
«В порыве страсти окаянной...»	59
«Уверовали в мифы...»	59
«Всё выше и выше, и выше...»	60
«Заветное счастье украли...»	61
«В разногосии племен...»	62
«Мы обрели космическую славу...»	63
«Какая тишь! В округе...»	64
Выборы	65
«Давно не пахнет русским духом...»	65

«Мы были крепче стали...»	66
«Хватало и зрелищ, и хлеба...»	68
«Беда не в дураках и не в дорогах...»	69
Глубинка	70
«Нам всем конец? Не верю!..»	70

Времена года

«Весна. А снега — выше крыши!..»	72
Весна	73
«Весны долгожданный приход...»	74
«Качается солнце на ветке...»	75
«Заголублили льдины...»	76
«Иней на ветках пустых серебрится...»	76
«Сухая и тёплая осень...»	77
«За окном — ноябрьский дождь и ночь...»	77
«Потянуло холодком...»	78
Зима	79
«Когда едва-едва светает...»	81
«Не думать, наверное, проще...»	82
«Дрожащие тени ложатся...»	83
«Передумал. Переболел...»	83
В осеннем парке	84
Зимний пляж	85
«Осень скоро постучится...»	85
«Отмечаю последние даты...»	86
«Тяжелеют волны у реки...»	87
«Исчерпан февраль без остатка...»	87

Город на Неве

«Недовольно гаснут фонари...»	89
«Ночью в город приходит весна...»	89
«Вода в Неве — чернее сажи...»	91
«Развели над Невой мосты...»	91
Памятник Петру	92
Мойка, 12	93
Исаакиевский собор	94
Ночью в гостях	95
«Вечер. Дождь. В тумане...»	96
«Как сговорившись окна гаснут...»	97
В Царскосельском саду	98
Закат	99
«Сошла с небес полночная звезда...»	100
«Промозглый питерский февраль...»	102

Ветер странствий

«Имея пять рублей, могу...»	102
«На первый путь...»	104
«Стучит колесами вагон...»	105
Пожар в лесу	106
«Снова меняются роли...»	107
«Что мне запомнилось в Праге...»	108
В Соборе св. Витта	109
«Остынет стакан...»	110
«Белоснежным и розовым маем...»	111

«А в Лондоне под Рождество...».....	112
«В Лондоне, конечно, жить неплохо...»	113
В старой королевской обсерватории.....	114
Ночная прогулка по Темзе	114
В Мирах Ликийских	115
Марокканские мотивы	116
Старая Ладога.....	118
«От Родины снежной и сложной...»	119
«Вьюги катятся с Ямала...»	120
«Иная жизнь, иные сны...»	120
«Покуда хватало здоровья и сил...»	121
Поездка.....	122

Печальный лик родной природы

Тургенев на водах	125
Лесное озеро	126
Дорога.....	126
«После ливней зеленеют склоны...»	127
«Туман лежит на дне долины...»	128
«Посмотришь вниз с крутой вершины...»	128
Пруд.....	129
После засухи.....	130
«Где-то спят большие города...»	130
С ярмарки	131
Можжевельниковая роща	133
Устье	134

**И уходят так неумолимо
Дни беспечной юности моей...**

«За окном — всё крыши, крыши, крыши...» ..	137
«Деревья седеют, как люди...»	138
«Забиться сном тяжёлым на рассвете...»	138
«Над Ригой притихшей осенние дуют ветра...»	139
«Поэт воспитан был войной...»	140
Снегопад.....	142
«Стремишься истину найти...»	142
«Свадьбы. Дни рождения. Крестины...	143
«Ну, вот и закончилось лето...»	144
«Чайки белокрылые кричали...»	145
«Я не уеду никуда...»	146
Последний пароход	147
«Прощаюсь с морошковым летом...»	148
«Дни нашей жизни коротки...»	149
«Жизнь уходит понемногу...»	150
«И так уж немало отмерил Господь...»	151

Вдохновение

Вдохновение.....	152
«Струится дымкой горизонт...»	153
«Говорите, пожалуйста, тише...»	154
«Не витийствуй, не пророчь...»	154
«Был Фет евреем или немцем...»	156

«Мой стих уныл, как зимняя дорога...».....	156
«Как хорошо, что я один...»	157
Баллада о скрипке.....	158
«Пусть на дворе ещё зима...»	158
«Избавленный от мелочных забот...»	159

Друзей услышу голоса

«Три друга было у меня...».....	161
«А знаешь что, Сережа...»	162
«Ни на кого не обижаясь...»	163
«Привели к нам в класс мальчишку...»	164
Встреча.....	164
«Во тьме пропал товарищ мой...».....	166
«Метёт по всей округе...»	167

Нашей памяти долгий свет

«Нашей памяти долгий свет...»	168
Вечер воспоминаний	169
«Мы помним тех, кого забыть должны...»	169
«А мёртвым, знаешь, всё равно...»	170
«За часом час, и жизнь проходит...»	171
Баллада о старой пластинке	171
Перед рассветом.....	172
«Нелегко быть с эпохой на "ты"...».....	174
«Привычный путь до отчего порога...»	175
«Кружатся звездные миры...»	176

«А вспомнишь — на память приходят не даты...»	176
--	-----

И встретишься с единственной судьбою

«Смурная вьюга злится...»	178
«Закружило, запуржило...»	179
«Прощаясь наспех, навсегда...»	181
Романс.....	183
Баллада о буксире.....	182
«Ни по чьей вине...»	184
«Наступила пора прощаний...»	185
«Растаяли давно	185
«Уезжаю не навсегда...»	185
Встреча.....	186
«В тот день я из Риги домой уезжал...»	186
Письмо.....	187
«Осенью похолодало...»	189
«Хотелось любви и тепла...»	189
«Та женщина жила неподалеку...»	190
«Трамвай летит над гулками мостами...»	191
Взгляд	191
«Сентябрь. Дождь. Мерцание залива...»	192
«Есть нечто меньше, чем любовь...»	193
«А была ли ты на самом деле...»	194
«Целый месяц водку пил...»	194
«Сверкнет планета опереньем...»	195
«Украшена огнями елка...»	196

«Да, мы запомним это лето...»	197
«Не осуждаю, не прошу...»	198
«Я все оставил на потом...»	199
«Мы стали с тобой далеки...»	200

Судьбы людские

«Если б Иуда не сторговался...»	201
«В рыбах есть что-то змеиное...»	201
«Опять кого-то воскрешают...»	202
Последние и первые	202
«Мне говорят, что я слишком рационален...»	203
«Наши мечты и надежды...»	203
Сожаление	204
«С годами начинаешь гордиться тем...»	205
Таврический сад.....	206
Данзас	207
Последняя версия о победе Наполеона с острова св. Елены.....	208
Бестужев-Марлинский.....	209
В Донском монастыре у надгробия Сумарокова.....	212
«То ли ранняя весна...».....	213
«Ты расстроился — зима...»	214
«Ты ждал наступленья зимы...»	214
«Позабывтый погост...»	215
«И снова ваш спор о судьбе...»	216

Камни	217
«Дай Бог тебе сильных врагов...»	217
«Из человека жизнь уходит...»	218

Времена и нравы

Суворов.....	220
Баллада о хозяйственной сетке	222
Индийское кино	223
«Вновь вернулись в первобытный век...».....	224
«Весной обычно спится плохо...»	225
«В суете уходящего века...»	226
«К комфорту привыкла Европа...»	227
«Вступайте, вступайте в союзы...».....	228
«Зачем летали на Луну...»	228
«Он шёл толпе наперекор...»	229
«Не ощущаем, как когда-то...»	230
«Не понять нам теперь всё равно...».....	231
«И снова март. И снова слякоть...»	232
«Не включай телевизор, не надо...»	232
«Мгновеньем надо дорожить...»	233
«Смотрю телевизор тупея...»	233
«Боже, как мы все устали...».....	234
Свалка	235
«На всех — и сытых, и голодных...».....	235
«Реклама. Реклама. Реклама...».....	236
Вокзальное.....	237
«Когда ненастье на пороге...»	238

«Как второсортное кино...»	239
«Планы партии — планы народа...»	240
«Компьютеры, ксероксы, факсы...»	241
«Критиковать и обличать...»	242
«Живем в виртуальном пространстве...»	243
«Эпоха грядущего хама...»	243

Притчи

Змея	245
«Отара послушно бредет за своим пастухом...»	245
«Хотел со всеми жить в ладу...»	246
«Внешних признаков волнения...»	247
«Посев взойдет на вспаханной земле...»	248
Сухое дерево.....	249
Жизнь.....	249
«Живя в эпоху перемен...»	250
«Не зарекайся никогда...»	251
«Учись довольствоваться малым...»	251
«Причинно-следственные связи...»	252
Царская охота	252
«Нам всем необходимо постоянство...»	253
«Живи сегодня и сейчас...»	254

Жизнь моя — надежда и сомнение

«Жизнь моя — надежда и сомнение...»	256
Цирк моего детства.....	257

Оптимист	258
В больнице	259
«Обиды забыв и наветы...»	260
«Я не считал свои утраты...»	261
«Стихи писали километрами...»	262
«Пиши, пиши, писатель...»	262
«Крадучись вползает в дом беда...»	263
«В покинутом доме распахнуты двери...»	264
«Страдай, страдай, душа моя...»	264
«Птицы стремятся к теплу...»	265
«А все-таки спешу, спешу...»	265
«Время пришло собирать камни...»	266
Вокзал	267
«Тает в стынущей роще...»	268
«Зимняя дорога. Полная луна...»	269
«С годами пишется трудней...»	270
«Лето настало. Сирень отцвела...»	270
«Этот город в тумане чахоточных, тусклых ночей...»	271
«И вот опять — долой, долой!...»	272
«Не дай-то Бог, случится...»	273
«Ты говоришь мне: "Будь спокоен..."	274
«Быт затягивает не спеша...»	275
«Человек боится темноты...»	276
«Очнешься от шумных застолий...»	276
«Зачем и откуда — не знаю...»	278
«Вот и кончилась осень. И ладно...»	279

«Когда-нибудь настанет час...»	280
«Жизнь — работа. И перечень дел...»	281
«Он все ждал грозу в начале мая...»	282
«В бане пахнет мелиссой и мятой...»	282
В санатории	283
«Жизнь суетой такой наполнишь...»	285
«Под утро — снег. Застыли лужи...»	285
«Предвижу скорую разлуку...»	285
Биография	286
«Мне ночью плохо спится...»	287
«Ах, как раньше писалось!...»	288
«Хотелось жить легко, красиво...»	289
«Какая осень! После бани...»	290
«Компьютер пишет музыку. Слова...»	290
«По тем адресам, где когда-то я жил...»	291
«Смирил Господь: болею...»	292
Бессонница.....	292
«Не пряча голову, как страус...»	293
«В потоке мутном бытия...»	294
«Синица, беспечно порхая...»	295
Птичьи права.....	296
Метро	297
«Ночь темна. И дождик блёклый...»	298
«Выпил рюмку. Покушал...»	299
Новый год на даче	300
Немятово.....	301
«Не хотел бы подводить итоги...»	302

Литературно-художественное издание

Мизгулин Дмитрий Александрович

УТРЕННИЙ АНГЕЛ

Стихотворения

Редактор *Р. Сушкова*

Корректор *В. Сушин*

Верстка *А. Буданова*

Оформление *И. Соколов*

Подписано в печать 10.06.2009. Формат 60x100/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.0.
Тираж 7100 экз. Заказ 93221

Издательство «Сибирская Благовонница»
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6

ООО «Артос-Медиа»
127015, г. Москва, Новодмитровская ул., д.5 А, стр.1

Отпечатано в типографии ОАО «Молодая гвардия»
127994, г. Москва, Сущевская ул., д. 21.

048912010

Государственная библиотека Югры

Дмитрий Мизгулин родился в 1961 году в Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Академик Петровской академии наук и искусств. Печатался в периодических изданиях. Автор многих поэтических сборников. Лауреат Российских и международных литературных премий. Живет в Ханты-Мансийске.

В книге «Утренний ангел» собраны лучшие стихотворения Дмитрия Мизгулина, написанные за тридцать лет творческой деятельности.

